

Андрей Иванович Колесников
Веселые и грустные
истории про Машу и Ваню

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=282982
Веселые и грустные истории про Машу и Ваню: Коммерсантъ; М'; 2009
ISBN 978-5-699-35667-6

Аннотация

Книга Андрея Колесникова «Веселые и грустные истории про Машу и Ваню» – это современная версия «От двух до пяти» Корнея Чуковского. Дети автора Маша и Ваня взрослеют на глазах. Взрослеют вместе с отцом. Побеждают (чаще) и проигрывают (иногда), делают открытия, удивляются, радуются и грустят. И вместе с ними – хотя порой вдали от них – побеждает и проигрывает, делает открытия, удивляется, радуется и грустит Андрей Колесников, журналист, литератор, отец.

Отец троих детей. Ведь старший, Никита, тоже вместе с ними, хотя и далеко от них. Этот удивительный любовный роман продолжается вот уже шесть лет. Этим детям есть что сказать, и они разговаривают с Андреем – а значит, и с нами – на равных. Поэтому эта книга пригодится и родителям, которые видят своих детей реже, чем хотят, но чаще, чем могут, и детям, которым никогда не будет достаточно своих родителей.

Содержание

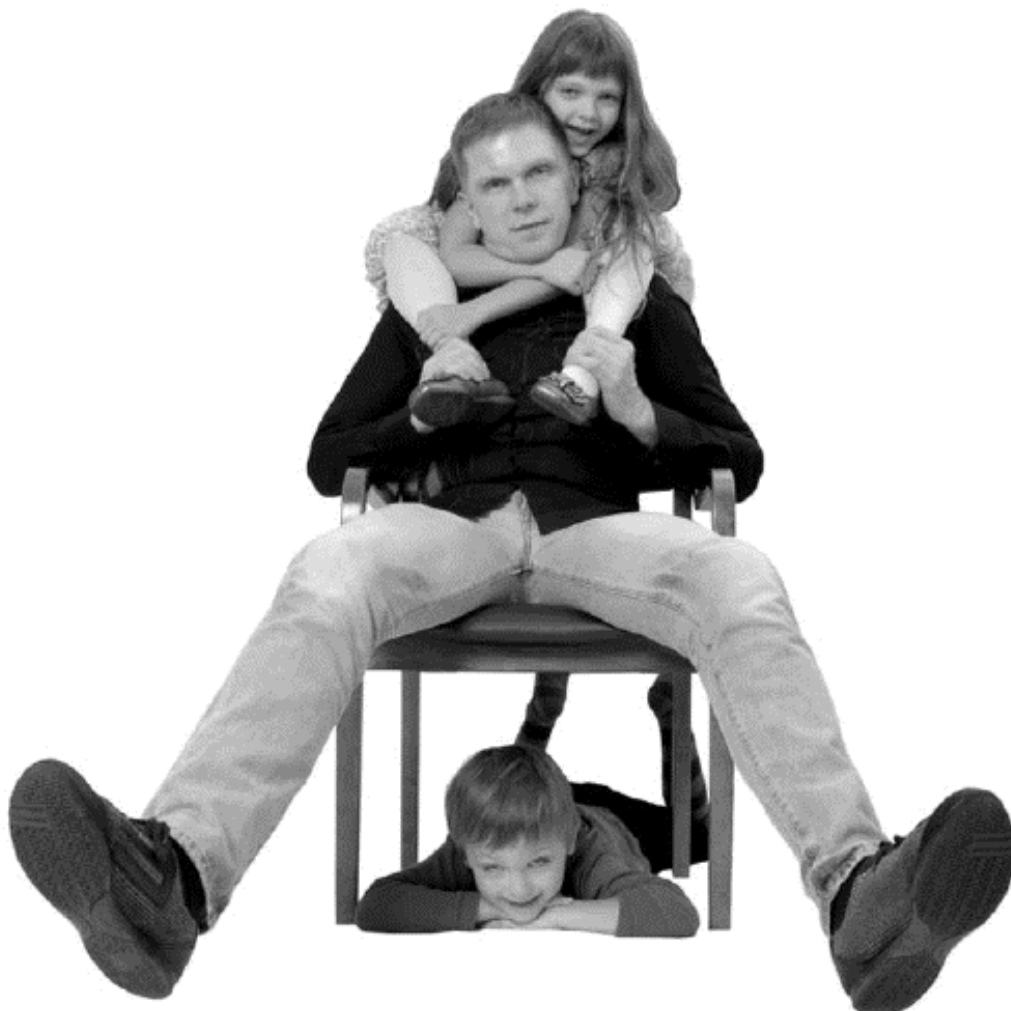
Предисловие	5
2004. Неужели это моя дочь?!	8
«Шикарный, шикарный лак!»	10
«А трусы?!»	12
«Папа, снимай брюки!»	14
«Я какать хочу!»	16
«Пропала Россия!»	18
«Боишься, что ли?»	20
«Ты мой муж»	22
«Где мой чупа-чупс?!»	24
«Там столько мужчин – и все незнакомые!»	26
«И скрипка упала уже...»	28
«Без лифчика плавать нельзя – утонешь!»	30
«Принцесса Аврора не сделала бы этого!»	32
«Разве не с кем поболтать на небе?»	34
«Это не смешно»	36
«Плевать нам на этого мента»	38
«Ты что, заболел?»	40
«Меня лес уморил»	42
«Не переживай, папа же всегда возвращается»	44
«Меня зовут Маша, фамилия Колесникова...»	46
«Мне надо много чуп!»	48
«Спасибо, я постою»	50
«Точно не знаю, но он принц»	52
2005. Они мне кажутся уже такими большими	54
«Я тебя, по-моему, не рожала»	56
«Это же рога!»	58
«Бабушка козлика очень любила»	60
«Ты что, убил живую куклу?»	62
«Зеленый человек ждет меня»	64
«Вы научите меня плавать под водой?»	66
«Мы победили Человека-паука!»	68
«И не покупай Ване жвачки»	70
«Уходите, я прикрою»	72
«Загадка-то для детей!»	74
«Потому что башня – не из молока!»	76
«Это фашизм!»	78
«У нас ведь любовь»	80
«Ну, че ты не звонишь-то?»	82
«Скажи, что ты третьего родишь!»	85
«Они заснут, и я скажу: «Руки вверх!»	87
«Номер сотый заснул!»	89
«Папа, мы так целовались...»	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Андрей Колесников

Веселые и грустные истории про Машу и Ваню

Предисловие

Чтобы вам был понятен масштаб явления: «Веселые и грустные истории про Машу и Ваню» Андрея Колесникова продолжает «От двух до пяти» Корнея Чуковского, да-да, того самого, автора главных детских хитов двадцатого века – «Мойдодыра», «Мухи-Цокотухи», «Айболита», «Котауси и Мауси», «Краденого солнца»... можете продолжить сами. Я давно знал, что инициатива Чуковского неизбежно получит продолжение. И вот теперь такое продолжение есть, буквально и бесповоротно.

Я напому вам, о чем книга Чуковского, и вы сразу же поймете, о чем пишет Колесников.

Просто приведу отрывок из вступления Чуковского к изданию «От двух до пяти» выпуска 1965 года: «Вокруг меня, ни на миг не смолкая, слышалась звонкая детская речь. На первых порах она просто забавляла меня, но мало-помалу я пришел к убеждению, что, прекрасная сама по себе, она имеет высокую научную ценность, так как, исследуя ее, мы тем самым вскрываем причудливые закономерности детского мышления, детской психики. С тех пор прошло лет сорок – даже больше. В течение всего этого долгого срока я ни разу не расставался с детьми: сначала мне представилась возможность наблюдать духовное развитие своих собственных малолетних детей, а потом – своих внуков и – многочисленных

правнуков... Широкие читательские массы отнеслись к моей книге с горячим сочувствием. Достаточно сказать, что в одном только 1958 году книга вышла в двух разных издательствах в количестве 400 000 экземпляров и в течение нескольких дней разошлась вся без остатка: так жадно стремятся советские люди изучить и осмыслить все еще мало изученную психику своих Игорей, Володей, Наташ и Светлан. Это налагает на меня большую ответственность. Поэтому для каждого нового издания книги я перечитываю снова и снова весь текст, всякий раз исправляя и дополняя его».

Собственно, можно больше ничего не добавлять, Андрей Колесников пишет о детях, прежде всего о взаимоотношениях со своим сыном, дочерью и уже совсем взрослым сыном от первого брака.

Структура нашей книги также проста и понятна – по годам. И обратите внимание на последнюю фразу Корнея Чуковского насчет «каждого нового издания книги».

Да, перед вами новое издание книги Андрея Колесникова, дополненное и переработанное, первое – «Отцеводство» – вышло в 2007 году. Потому что наши люди, как и полвека назад, продолжают все так же жадно «изучать и осмысливать все еще мало изученную психику своих детей».

Причем книга эта нужна не только взрослым, в чем я совершенно уверен, но и детям. В последнем я убедился на собственных детях, десяти и семи лет, которые переругались вдрызг за право первого чтения предыдущего издания «Отцеводство». Теперь во время какого-нибудь обеденного разговора случается, что мои дети для иллюстрации своей мысли ссылаются на высказывания или поведение Маши и Вани в соответствующей ситуации. Для моих детей Маша и Ваня – это уже как Винни Пух или Муми-тролль, герои их внутреннего понятийного мира. (Кстати, это правильный показатель художественности произведения.) Они меня даже попросили сводить их в цирк, в котором они, конечно, не раз бывали, но им захотелось прочувствовать на входе в цирк фразу, произнесенную Машей, – «Я в цирке».

Почему? Им просто нравится повествование, которое, как зеркало, в котором они узнают себя. Это, знаете, как начинает плакать младенец в салоне летящего самолета, если через ряд от него заплакал другой младенец. За компанию.

При чтении этого удивительного любовного романа продолжительностью вот уже шесть лет сопереживаешь его героям так сильно, как если бы речь шла о собственных детях. Это значит, что книга Колесникова честная и правдивая.

Наконец, при чтении историй про Машу и Ваню как-то очень хорошо представляешь себе, что радость родительской любви замешана на жертвенности и трудах. По-другому – будет фальшь.

Могу только пожелать моему коллеге и любящему отцу Андрею Колесникову продолжения. Потому что отцовскую полноту чувств начинаешь чувствовать лишь с третьего ребенка (в чем Андрей мог убедиться), а на пятом понимаешь, что ощущение счастья настолько огромно и всеохватывающе, что это влияет уже не только на взгляды, отношение к жизни и прочее (этот процесс начинается с первого ребенка), но и меняется уже состав крови, ты окончательно и бесповоротно превращаешься (на физиологическом уровне! – поверьте, знаю по опыту) в иного человека (чтобы было понятно какого, можно употребить слово «блаженный»), а затем смотришь на шестого ребенка и не понимаешь, как ты мог раньше не дать жизнь этой удивительной дочери, которая в девять месяцев уже кокетничает, причем только с родным отцом.

Отмечу принципиальное обстоятельство, которое, возможно, придает дополнительный вес моей оценке. Я сам многодетный отец, у меня шестеро детей – пять девочек и один сын: Анна (22 года), Анастасия (20 лет), Вера (11 лет), Мария (7 лет), Кирилл (3 года) и София (1 год). Не скрою, у двух старших дочерей другая мама. Но для меня-то это ничего не меняет, степень моего родства с моими детьми от этого никак не страдает.

Теперь о практических советах и навыках, которые можно извлечь из этой книги. Разумеется, это то небольшое, что стоит отметить прежде всего.

Совет 1: никогда не врите детям, никогда не вводите их в заблуждение, потому что они вам верят абсолютно и безо всякой задней мысли.

Совет 2: уделяйте своим детям как можно больше времени, причем не в каких-то воспитательных целях, а просто будьте с ними, физически, материально, гуляйте вместе, смейтесь, плачьте, ругайтесь, сопереживайте им, живите с ними не по паспорту, а в реальности; нет ничего драгоценнее этих часов времяпровождения с детьми, ничто и никогда не может с этим сравниться!

Совет 3: дети – не личная собственность, они, конечно, ваши, но научитесь видеть и уважать в них личность, самооценную и уникальную.

Совет 4: дети – это смысл и оправдание вашего существования на земле.

Совет 5: будьте честны перед собой в отношениях с детьми.

Совет 6: не увлекайтесь подарками и развлечениями – порой это выглядит как взятка детям, а настоящая жертва – это ваша любовь к ним, не за что-то, а просто так.

Совет 7: жалеите своих детей, им труднее, чем вам.

Владислав Дорофеев, журналист, литератор и отец шестерых детей

2004. Неужели это моя дочь?!

Маше сейчас уже восемь лет. И это не предел. Я перечитываю эти самые первые рассказы про нее, и у меня замирает сердце. Это она или не она? Неужели это моя дочь?! И все это было с нами?

Ей будет легче. У нее не будет такой проблемы, потому что она себя не помнит в этом возрасте. Она поверит мне на слово – просто потому, что у нее не будет выхода.

Таким образом, эти истории, как только я дописываю каждую из них, становятся каноническими. И попробуй ты изменить их, Маша. Из этих песен не выкинешь ни одной запятой.

Но это все-таки она: обожает брючки и кофточки, фотографируется с пыльным слоном, водит меня в ресторан, ищет себе няню и мечтает о море, которое было в ее жизни только тогда, когда ее мама была ею беременна.

И в 2004 году в этих главах нет – почти нет – Вани. Я читаю и не понимаю сначала, где он, и только потом соображаю: да ему же еще только год, он же даже не разговаривает.

И мне все-таки обидно, что его тут нет. Мне его не хватает. Не хватает, так же как сейчас в жизни, когда я вижу их отчаянно редко. Я хочу хотя бы читать про него. Но тут, в 2004-м, – только Маша.

Впрочем, и ее не покажется мало.

«Шикарный, шикарный лак!»

Я пошел с трехлетней Машей в магазин. Так случилось. В конце концов, в этом нет ничего необычного.

Мы зашли в довольно большой зал. Я осмотрелся. Но моя дочь осмотрелась еще быстрее и сказала:

– Папа! Купи мне, значит, эти брючки, кофточку, маечку...

Она торопилась перечислить все названия, хоть как-нибудь связанные с одеждой. Я оборвал ее на полуслове.

– Маша, подожди! Секундочку! Мы сейчас все сделаем по-другому. Идем, на все смотрим и ничего не покупаем. Даже руками не трогаем. Потом поворачиваем обратно...

Маша казалась чрезвычайно заинтересованной моим рассказом.

– А почему? – спросила она.

– Потому что там конец магазина. Некуда идти.

– А-а...

Она кивнула, давая понять, что все поняла.

– А потом? – спросила она наконец.

– А потом, – не без удовлетворения закончил я, – мы и покупаем то, что нам в результате понравилось.

– Папа, расскажи еще раз, – попросила Маша.

Ей, как мне показалось, очень понравилась эта необычная история.

– Ну вот, вошли мы в магазин, осмотрелись и не спеша пошли по нему. Вокруг нас яркие красивые вещи.

– Детские? – с беспокойством уточнила она.

– Детские, – успокоил я ее. – И вот мы идем и идем, и ничего не покупаем... А потом разворачиваемся и идем обратно... И только потом выбираем то, что нам больше всего понравилось.

Маша наконец осознала весь смысл моего предложения. И вот она смотрела на меня уже довольно снисходительно.

– Папа! – сказала она. – Ну ведь так у нас никогда ничего не будет!

Когда я рассказал эту историю своему приятелю Олегу, он даже не рассмеялся, а только коротко кивнул.

– Конечно, она права. Надо сразу все хватать. Ты что, еще не понял?

И он в свою очередь рассказал мне поучительную историю про свою трехлетнюю дочь Алису. Маша и Алиса в хороших отношениях и даже, можно сказать, дружат семьями своих родителей. На днях Алиса тоже пошла в магазин. Это был парфюмерный магазин. Она переступила порог этого заведения, и глаза ее широко раскрылись. И вот она, никого не замечая, уверенно пошла к прилавку, за которым стояла во всех отношениях ухоженная продавщица. Она держала в руках какую-то склянку с туалетной водой и довольно рассеянно разглядывала ее.

– А что, праздник? – словно вскользь спросила ее Алиса.

– Праздник, – ответила продавщица. – Именины сердца.

– А-а... А ногти чем накрасила?

Отец Алисы утверждает, что только в этот момент обратил внимание на то, что длинные ногти продавщицы выкрашены в яркий фиолетовый цвет.

– Лаком, – удивленно ответила продавщица.

– Женщина! – вдруг простонала Алиса. – Я тебя умоляю! Накрась мне ногти! Шикарный, шикарный лак!

Продавщица чуть не выронила из рук склянку, а потом достала свою косметичку, присела и долго красила Алисе ногти фиолетовым лаком.

Подытоживая, Олег сказал, что гордится своей дочерью и что только так и следует жить.

Вернувшись домой, я рассказал эту историю даме своего сердца, Машиной маме. Пока я говорил, Маша несколько раз встревала с одним вопросом:

– А это про кого?

– Про Алису, – наконец ответил я.

– Про мою Алису? – уточнила она.

– Про твою, про твою.

Маша кивнула и замолчала. Дослушав историю до конца, она посидела, подумала и наконец пожала плечами:

– Я ее не узнаю.

Так я пока и не понял, как же все-таки следует жить.

«А трусы?!»

Маша никогда не была в цирке, но уже несколько лет очень хотела попасть туда. Несколько раз она была близка к этому. Но ее родители в последний момент предпринимали все необходимые усилия для того, чтобы поездка в цирк именно в этот день оказалась невозможной.

И вот, наконец, Маша оказалась в цирке. Чего она ожидала от него? Безусловно, чего-то важного в своей жизни. Она придавала визиту в цирк явно преувеличенное значение. Как только мы поднялись по ступенькам цирка на Цветном бульваре и вошли в двери, она истошно закричала:

– Я в цирке!

Другие мальчики и девочки косились на нее с демонстративным недоумением и старались делать вид, что ничего особенного не происходит. Возможно, посещение цирка было для них таким же привычным делом, как и поход в библиотеку. Не знаю. И вот мне уже казалось, что они ни много ни мало обходят ее стороной. Мою дочь, про которую трехлетний Денис в детском саду с гордостью говорит, что она его жена, здесь обходили стороной! А сама она при этом считает своим мужем Кирюшу. А Никиту в этом проекте вообще никто не рассматривает всерьез.

Так вот, мы вошли, значит, в цирк и сразу увидели слона. Я-то, честно говоря, оторопел. Дело в том, что большой серый пыльный слон, идущий рядом с тобой по коридору, вообще-то редкость для меня.

Маша кивнула слону как старому знакомому, и я лишний раз подумал о том, что надо бы воспринимать мир попроще и допускать, что с тобой в любой момент может произойти любая неожиданность. То есть надо бы равняться в этом смысле на нее.

Между тем это машинальное движение души моей дочери не осталось незамеченным. К ней сразу подбежал фотограф и, на всякий случай заискивающе улыбнувшись мне, спросил ее:

– Девочка, хочешь сфотографироваться со слонем?

– Да, – тут же ответила Маша.

Заручившись ее поддержкой, фотограф уже довольно нагло посмотрел на меня и сказал:

– С вас 300 рублей.

– А не много? – на всякий случай спросил я. Он не успел ответить.

– Нет, папа, – ответила Маша. – Мало.

– Две фотографии, – пожал плечами фотограф, – 10 на 15. Нормально. Со слонем же. Может за ухо его подержать. Он не укусит.

– Да он шевельнется, и от нее ничего не останется, – раздраженно сказал я.

Я понимал, что вряд ли они, конечно, держат тут такого слона, который шевелится, когда дети хватают его за ухо. Так я на самом деле думал. Но просто мне не нравился этот фотограф.

– Вы что, папа? – посмотрел на меня фотограф. – Вы не знаете, с кем имеете дело. Этот слон будет стоять, как фарфоровый.

На ум ему пришло странное сравнение.

– Но на всякий случай вы, конечно, станете рядом с ребенком, – добавил фотограф.

Мы подошли к слону. Я взял Машу на руки, она схватила слона за ухо и дернула что было сил. Я замер. Но слон, по-моему, даже не заметил нашего присутствия. Фотограф нажал на кнопку.

– Слон, ты плохой, – вдруг обиженно сказала Маша.

– Почему он плохой? – спросил я, но тут же и сам понял. На самом деле для слона, как выяснилось, все это переживание тоже не прошло даром. В результате он пукнул. Представляете, что бывает, когда пукает слон? Запахло жареным.

– Папа, – спросила Маша, когда мы отошли на безопасное расстояние, – а если я опять возьму слона за ухо, он опять пукнет?

– Да, моя девочка, – сказал я, – поэтому больше мы к слону никогда подходить не будем.

И мы пошли в зал. Началось представление, и оказалось, что деликатная тема в этот вечер еще вовсе не исчерпана. Один клоун забавы ради начал на арене раздевать другого. В итоге клоун оказался в центре арены в одних блестящих трусах. Он медленно и с удовольствием поворачивался вокруг своей оси. У него был мощный загорелый торс. Его-то он, наверное, и стремился продемонстрировать публике.

Но его торжество продолжалось недолго. Маша смотрел а-смотрела на него, а потом с недоумением прошептала:

– А трусы?

Ее, конечно, никто, кроме меня, не услышал. А она обращалась, как оказалось, именно к клоуну. И, выждав еще несколько секунд, звонким детским голосом прокричала уже на весь цирк:

– А трусы?!

Взрослые и дети начали хохотать. Большинство, наверное, решило, что это так и надо, что моя Маша – «подстава». Но клоун-то знал, что она не «подстава». Он еще раз медленно обернулся вокруг своей оси и начал всматриваться в зал. В душе этот парень, я уверен, был стриптизером. И Машин крик донесся до самых потаенных уголков его души. Если бы она крикнула еще раз, он бы, возможно, снял трусы.

Но она этого не сделала. Хорошая девочка.

«Папа, снимай брюки!»

Моя дочь, когда была маленькой, легко решала все свои проблемы со мной. Как-то раз, год назад, она попросила меня почитать ей на ночь. А я и сам в этот момент не отказался бы, чтобы мне кто-нибудь почитал на ночь. Примерно так я ей, зевнув, и сказал. Ну, то есть на самом деле я, конечно, попытался объяснить ей, что надо же учиться засыпать безо всяких книжек, потому что скоро она начнет ходить в детский садик и там ей никто книжки перед сном читать не будет. Таким образом я решил одним выстрелом убить двух зайцев: ничего ей не читать и заодно подготовить ее ко взрослой жизни со всеми ее тяготами и лишениями.

Она спокойно выслушала. Потом она встала на четвереньки, придала своему личику максимально зверское выражение и прорычала своим тоненьким голоском, глядя на меня снизу вверх откуда-то с самого пола:

– Я – волк! Читать!

Я чуть не расплакался. Она-то, конечно, не знала, что от умиления. Решила, что от страха. Ну и читал ей потом разумеется, эту книжку, пока не пришла мама этого волка и не уложила его спать.

Теперь все иначе. Теперь она не может влиять на меня так прямолинейно. С возрастом ее методы усложнились.

– Папа, – говорит она, – дай мне конфетку.

– Хватит, – отвечаю, – ты сегодня целый день ешь конфеты. Посмотри на свой живот.

Она внимательно смотрит на свой живот.

– Папа, – говорит она, – мне только одну. Такое впечатление, что я собираюсь дать ей десять конфет, а она пытается остановить меня.

– Нет, Маша, наверное, не дам.

– Почему?

– Ты меня не убедила.

– Да? – с каким-то пониманием спрашивает она.

– К сожалению, да.

– А как тебя убедить?

– Подумай. Она подумала и бежит к маме:

– Мама! А как папу убедить?

– Это невозможно, – искренне отвечает ей мама.

– Невозможно... – тихо повторяет моя дочь. – Папа! Пойдем почитаем книжку!

– Другое дело! Конечно, пойдем.

Я рад, что она уже не просит эту конфету, от которой у нее покраснеют щеки.

– Мама, – кричит она, – мама! Я его убедила!

А вчера вечером я собирался на одно мероприятие и вынужден был надеть костюм. Я редко это делаю. Она, когда увидела меня, очень удивилась.

– Папа, ты что? – с недоумением спросила она.

– А что?

Она покачала головой.

– Ты куда?

– В гости.

– В таком виде?

Мне стало смешно. Всегда смешно, когда трехлетняя дочь разговаривает с тобой, как двадцатипятилетняя жена.

Но я тут же все понял. Она вообще-то была права. Она что, в гости никогда с отцом не ходила? Она очень хорошо знает, в чем ее папа ходит в гости. Оранжевая рубаша, разноцветные джинсы. Да что угодно, но ведь не костюм.

Но не мог же я ей сказать, зачем я на самом деле надел костюм. Я этого вообще никому сказать не могу. Слишком это все серьезно.

– Папа, снимай, – сказала Маша.

– Что? – не понял я.

– Галстук.

– Маша, – говорю я ей, – ты откуда слова-то такие знаешь? Галстук...

– А Кирилл пришел в садик в шарфе и сказал, что это галстук.

– Маша, – говорю, – если я сниму галстук, то тогда вообще никуда не пойду. Туда без галстука не пустят.

– Снимай, папа, снимай, – торопливо сказала она. – И брюки снимай.

Я из чувства протеста говорю:

– Не сниму.

И тут я понимаю, что за несколько минут роли как-то поменялись. То есть это она со мной разговаривает, как мама с капризным ребенком. А он оказывает сопротивление, хотя в душе и понимает, конечно, что оно бессмысленно.

– Маша, – говорю я тогда, – ну допустим, сниму я галстук, потом пиджак, потом брюки сниму. Зачем тебе все это? И что мы будем делать?

– Папа, – говорит она. – Как что? Книжку читать!

«Я какать хочу!»

Мы с Машей иногда ходим в ресторан. Это очень хлопотное занятие, от которого участвующим в нем людям, если разобраться, нет никакого толку. Но Маша иногда просится в ресторан. Почему?

Один раз она обратила внимание на то, как бурно люди среагировали на ее радостный крик маме:

– Я какать хочу!

И теперь, как только мы приходим куда-нибудь и садимся за стол, она некоторое время изображает из себя девушку из высшего общества, но только для того, чтобы в какой-то момент крикнуть на весь зал:

– Я какать хочу!

Реакция всякий раз такая, на какую она рассчитывает. Люди ведь в ресторане часто едят. И вот едят они, едят, а потом слышат этот крик.

Один раз тетенька, сидевшая рядом, сделала ей замечание.

– Девочка, – с раздражением сказала она, – я вот тоже, может, какать хочу. Но я же молчу.

– Почему? – удивилась Маша.

Тетенька задумалась. У нее не было готового ответа.

– Мама, тетенька говорит, что какать хочет! – крикнула тогда Маша изо всех сил.

Все, конечно, сразу с интересом посмотрели на эту тетеньку. И чем дольше она потом сидела, тем с большим интересом на нее все смотрели. И когда она ушла, все, кажется, вздохнули с облегчением.

В другой раз Маша очень заинтересовалась тарелкой с водой и лимоном. Сначала, когда перед ней поставили эту тарелку, она хотела, конечно, воду выпить, а лимон съесть. Но мы, на свою беду, объяснили ей, что в воде надо вымыть руки.

Я жалею об этом до сих пор. Мало того что, вымыв руки, она дождалась-таки удобного момента и сначала попила из тарелки, а потом затолкала в рот лимон. Настоящая проблема была в том, что у этой истории оказались, как в хорошем медицинском опыте, отдаленные результаты. Теперь она требует такую же тарелку и дома. Она требует ее всякий раз, когда мы говорим ей, чтобы она вымыла руки. Объяснить, почему в ресторане надо мыть руки в тарелке с лимоном, а дома можно вымыть и из-под крана, невозможно. Более того, она приучила мыть руки в тарелке с лимоном всех своих кукол и уже несколько раз осторожно говорила мне, что надо бы достать из аквариума рыбок и тоже вымыть их в тарелке с лимоном.

Короче говоря, от этого ресторана одни только проблемы. И я бы, конечно, ни за что по своей воле не ходил бы с ней в ресторан. Но ведь она сама просится. И так, что я не могу отказать. Ну я понимаю, ей там хочется крикнуть, что она хочет какать. Ну и что, только из-за этого? Из-за одного этого она не стала бы заводиться. А тарелка с лимоном есть и дома. Что же еще? Обязательно должно быть что-то. Я спрашивал ее об этом. Она говорила, пожав плечами: «Ну мы же с тобой так редко куда-нибудь ходим!» Эту фразу она, я так понимаю, подслушала у мамы. Нет, и не в этом, конечно, дело. И я решил повнимательнее понаблюдать за ней.

Мы пришли в бар «Джек Рэббит Слимз» на Соколе. На входе стоял картонный кролик ростом чуть выше Маши. Она как-то машинально кивнула ему. Так же рассеянно, как старому знакомому, она кивнула и гардеробщику, повидавшему жизнь дяденьке. Она стала к нему спиной, и он помог ей раздеться. Маша сказала «спасибо» и уже было отошла, но потом решила, что должна сказать ему еще пару слов.

– А у меня новые трусы, – лениво сказала она.

– Везет тебе, – покачал он головой.

Она кивнула и прошла в зал. Я сделал заказ. Она молчала. Официантка пошла к барной стойке.

– Подожди! – вдруг крикнула ей Маша. – Стой! Девушка остановилась.

– Иди сюда.

Официантка подошла. У нее была правильная улыбка.

– Сока хочу.

– Виноградного? Яблочного? Апельсинового?

– Красного.

– Вишневого? – спросила догадливая девушка. – Да!

– Сию минуту!

Маша радостно засмеялась и только потом с облегчением крикнула на все заведение:

– Какать хочу!

Так я наконец понял. В ресторане ее больше, чем еда, интересует обслуживание. И не она одна такая.

«Пропала Россия!»

Почему-то считается, что дети любят проводить время в детских комнатах. Эти комнаты расположены, как правило, в больших магазинах и существуют для того, чтобы родители могли, изолировав ребенка там на час-полтора, устроить праздник и для него, и для себя.

А также считается, что в детских комнатах детям, например, очень нравится прыгать в бассейнах без воды с пластмассовыми шариками. Иногда родители даже выстраиваются в очереди, крепко держа детей за руки, чтобы они, не дай бог, не убежали и во что бы то ни стало порадовались жизни.

Я, конечно, не исключение. Исключений, если разобраться, не бывает. Если отец не стоит с ребенком в очереди в бассейн с шариками, это не значит, что он является исключением. Просто он искренне считает, что ребенку гораздо интереснее делать зарядку из двадцати одного упражнения по методике тибетских монахов или мыть шампунем отцовскую машину.

Так вот, значит, я с Машей, выстояв очередь в бассейн с пластмассовыми шариками вместе с моим товарищем и его трехлетней дочерью Алисой, впервые с облегчением оставил кровиночку радоваться жизни в этом бассейне. Моя попытка сделать это месяцем раньше в ледовом Дворце спорта закончилась тем, что она еще даже не успела войти в такой вот бассейн и потрогать шарик, как получила пяткой в грудь от одного смышленного малыша, с которым у меня потом был серьезный разговор.

Оставив детей в бассейне, мы пошли в кафе. Наши жены в это время занимались привычным им делом. Как-то все вдруг, таким образом, устроилось.

Минут через десять мне позвонила девушка из этого бассейна и попросила прийти. До этого, когда она брала у меня телефон, то предупредила, что это так положено, а звонить они будут только в исключительном случае. Значит, исключительный случай уже наступил.

Прибежав в бассейн, мы застали наших детей живыми. Это была уже сама по себе большая и даже, можно сказать, нечаянная радость. Дети стояли на пластмассовых шариках и из-за железной сетки внимательно, без тени сочувствия смотрели на нас.

– Мы потеряли их носочки! – жалобно сказала девушка, которая звонила мне. – Нигде не можем найти.

– А у них не пробовали спросить?

– Конечно, пробовали.

– И что?

– Ничего! Они смеются надо мной!

– Маша, – спросил я, – ну и где твои носочки?

Она, конечно, тут же начала громко смеяться надо мной. Она очень ждала этого вопроса.

– Алиса, – попросил мой товарищ, – принеси мне, пожалуйста, носочки.

С Алисой от этих слов просто истерика случилась. Так искренне хохотать умеют только трехлетние дети.

– Простите, пожалуйста, – сказала девушка, – но у нас дети без носочков не могут тут находиться.

– Маша, пойдем, – сказал я.

– А носочки? – хором вместе с девушкой спросили дети.

В общем, полез я туда за этими носочками. Это было ужасно. Я уж не говорю о том, что до сих пор у меня в ушах стоит этот звонкий детский смех, которым сопровождалась

мои поиски. Это было еще и чертовски трудно – лазить по этим шарикам, копать в них... Безумие какое-то. И носочков я не нашел.

И тогда в бассейн полез мой товарищ. А он парень, слава богу, двухметрового роста. В общем, может, руки у него длиннее, но он минут за десять нашел все четыре носочка.

Когда мы уже выходили из этого адского бассейна, я в воспитательных целях обратил внимание своей дочери на одного маленького мальчика.

– Видишь, – сказал я Маше, – какой интересный и хороший мальчик стоит на шариках вон там, у окна. Не прячет ни от кого своих носочков.

– Папа, – сказала мне девочка, – ты послушай, что он говорит!

– Разве он что-то говорит? – удивился я.

– Конечно! Он все время говорит. Я его боюсь.

Я подошел к мальчику. На вид ему было лет пять. Он и правда не спеша разговаривал сам с собой. Я прислушался.

– Вчера был снег, – задумчиво говорил мальчик. – Сегодня идет дождь. Пропала Россия.

Я с благодарностью посмотрел на свою дочь. Нет уж, пусть лучше она от меня носочки прячет.

«Боишься, что ли?»

Мне нужны были очки для плавания. Они продаются в спортивном магазине. Кажется, чего проще: иди и купи себе очки. Конечно, нет. Купить очки можно только в выходной день, то есть в субботу. А этот день принадлежит твоей семье. Она выстрадала право на него. Можно сказать, что она обрела его в борьбе. Теоретически по субботам можно ведь и в футбол играть. Но в результате борьбы за субботу победили дети. А в футбол я играю по воскресеньям.

Так что за очками мы поехали с детьми. У меня кроме трехлетней Маши есть еще полуторагодовалый сын Ваня. И у них есть мать. Вот мы все в субботу и выдвинулись за очками.

В магазине мы обошли сначала первый этаж (там очков не было), потом второй (там были). Купить очки очень сложно вообще-то. Надо, чтобы они хорошо прилегали к лицу, не пропускали воду и чтобы не слишком сильно жали. И все равно потом, кстати, на лице еще долго остаются следы от этих очков. Есть, говорят, очки с большими стеклами, которые следов не оставляют, но я что-то не встречал.

Короче говоря, я очень долго выбирал очки. В какой-то момент Маша тоже начала выбирать себе очки. Одни ей очень понравились. Они были ярко-оранжевого цвета. Это были взрослые очки. Но как-то она их надела, и они задержались на ее голове. Она была очень довольна.

На это не смог смотреть, конечно, спокойно Ваня. Он подошел и тоже взял себе очки.
– Ваня, тебе-то зачем? – спросил я его.

Он даже не счел нужным ответить, а просто приложил их к глазам. Он сделал, кстати, все правильно, то есть со стороны было полное впечатление, что он их надел. Все-таки он ведь мой сын.

Маше Ванины действия не очень понравились.

– Папа, – сказала она, – принеси мне снизу шапку.

– Какую? – удивился я.

– Красную. Для купания.

Я вспомнил, что и точно, видел на первом этаже шапочки для купания. То есть она хотела пойти дальше, чем Ваня. Ревность какая-то между ними все-таки есть. При этом Маша хорошо понимает, что, когда у нее на голове будет еще шапка, Ваня тоже себе такую потребует. В этом, я думаю, и состоит главная цель ее действий.

– Маша, – говорю я, – я не пойду, конечно, за шапкой.

– Почему? – удивилась она.

Я ей объяснил, что у меня сегодня выходной день и что я не буду тратить его на то, чтобы бегать вверх-вниз по этажам спортивного магазина. Чем абсурднее, я замечал, объяснение, тем меньше у них вопросов остается.

– Поняла? – переспросил я ее на всякий случай.

– Да, – кивнула она. – Но ты мне только шапку принеси.

Я опять ей объяснил, уже не помню что.

– А-а-а... – сказала она.

Она помолчала, обдумывая эту ситуацию.

– Папа, – произнесла она наконец.

– Что?

– Боишься, что ли?

Вот это было то, чего я не ожидал. Дочь откровенно брала меня на «слабо». Все вдруг стало очень серьезно.

– Маша, – сказал я, – ну чего же, ты думаешь, я, твой отец, могу бояться?

– Ну не знаю, – сказала она. – Темно там...

Я ничего не успел ответить. А главное, я и не смог бы, конечно, ничего ответить. И мы оба это знали. Это был нокаут. Идти за шапкой после этого было бы еще глупее, чем остаться.

Тут в зале, на мое счастье, заиграла негромкая энергичная музыка. Победительница забыла про меня и начала с наслаждением танцевать в этих очках. Через секунду к ней присоединился Ваня, тоже в очках. На нас смотрел весь второй этаж, и даже, мне показалось, кто-то пришел с первого. Происходящее было моим большим субботним счастьем.

Жаль, очки мне никакие не подошли.

«Ты мой муж»

Мы с Машей пошли есть пирожные. Не так уж много в Москве мест, где это можно сделать со вкусом. В одно из таких мест мы и отправились. Я не буду рассказывать, куда именно, а то завтра там не протолкнешься.

Маша заказала себе три пирожных: медовик, корзиночку с фруктами и еще одно, с непроизносимым названием. И она попросила чай.

– Девочка, – спросила официантка, – тебе какой чай принести?

– Мне кофе.

– Тебе рано пить кофе.

– А папе можно?

– МОЖНО.

– Принеси ему кофе.

– И ты потом возьмешь у папы? Ты интересная девочка.

– Очень, – сказала Маша. Официантка пошла за кофе.

– Маша, – спросил я ее, – разве можно так разговаривать с официантками?

– Папа, – сказала она. – Я хотела с тобой поговорить.

Я удивился. Это я на самом деле хотел с ней поговорить и ждал этого момента, когда мы пойдем есть пирожные. Последнее время у нее возникли проблемы в детском саду. Денис, которого она последний месяц называла своим мужем (хотел было даже написать: и не без оснований), перестал нравиться ей. Она от этого переживает больше, чем он. И я хотел вкратце объяснить Маше природу мужских и женских отношений, хотел как-то заверить, что на самом деле расстраиваться-то особо нечего, и не такое бывает, и так далее...

Но оказывается, что и у нее были свои планы на наше время с этими пирожными.

– Папа, – сказала она, – мама нашла мне плохую няню.

– Почему, Маша? – удивился я.

Мы были вообще-то довольны этой няней. Опыта работы у нее не было, но старшая дочь в семье, где шестеро детей...

– Молодая слишком, – с осуждением сказала Маша. Няне 23 года. Я начал понимать:

– Это мама так говорит, Маша?

– Мы обе с ней так считаем, – не сдала она маму.

– Маша, – говорю, – тут что-то не так. Смотри, ты же говоришь, что это мама нашла тебе такую няню.

– Да.

– И вам же с ней эта няня не нравится. – Да.

Она не видела тут никакого противоречия.

– А знаешь, почему? – спросил я. – Просто это я нашел эту няню. А не мама.

Трудно сказать, почему я вдруг решил пожертвовать собой в этой деликатной ситуации. Вообще-то мне это несвойственно.

– Нет, папа, – уверенно сказала Маша. – Ты не мог найти такую плохую няню.

Она, таким образом, не приняла жертву. Принесли пирожные и кофе.

– А чек? – спросила Маша.

– Минуточку, – смутилась официантка.

– Опять начинается? – нахмурилась Маша.

Она спросила точно так же, как спрашивает мама, когда укладывает ее спать, а Маша не хочет.

– Извините, пожалуйста, – пробормотала официантка. – У вас скидка?

Она была уверена, видимо, по Машиному поведению, что она ходит сюда каждый день – специально, чтобы портить людям нервы.

– У нас нет скидки, – ответил я.

Официантка приободрилась и с достоинством отступила.

– Маша, – сказал я, – давай теперь поговорим о твоих делах.

– Давай, – легко согласилась она.

– Я про Дениса. Говорят, он тебе уже не муж?

– Нет, – серьезно сказала Маша. – Он же у меня игрушки отнимает. Ты мой муж.

– Ну нет. Я же отец твой.

– Ну и что?

И в самом деле: ну и что?

– Ну, я мамин муж.

– Да я знаю, – успокоила меня дочь. – Жалко.

Хорошо, вырастив дочь, ходить с ней в кафе-кондитерскую, чтобы с таким успехом решать проблемы бытия.

– Пойдем, папа, – сказала Маша. – Нам пора.

– А пирожные как же?

– А я их птичкам отдам. Им нужнее. Интересно, от кого она эту фразу слышала. От меня она такого услышать не могла.

«Где мой чупа-чупс?!»

Время от времени мы с Машей, конечно, ходим в гости. Это я так обреченно написал, а ей вообще-то нравится.

– Папа, – говорит неделю назад Маша, поглядев в окно. – Мне надоела эта зима. Давай что-нибудь придумаем.

За окном зеленые листья и дождь, но, по сути, она абсолютно права. Происходящее этим маем ставит просто в тупик.

– И что ты предлагаешь? – спрашиваю я рассеянно. И тут же понимаю, что допустил ошибку и что она может ею воспользоваться. Например, она может попросить чупа-чупс, этот проклятый леденец на палочке. А она уже все утро и так грызла эти леденцы.

Я и так у нее из отца превратился в человека, который, придя с работы, может принести чупа-чупс, но может и забыть. И время от времени он, от которого и так-то довольно мало толку, забывает. А иногда приносит, но потом и об этом забывает и думает, что в карманах у него ничего нет. И тогда приходится прямо на нем самой выворачивать все его карманы, пока не найдешь в них то, что нужно.

Однажды Маша, когда была в хорошем расположении духа, постаралась объяснить мне что-то важное насчет чупа-чупса.

– Понимаешь, папа, – сказала она, – если человек хочет чупа-чупс, то надо принести ему чупа-чупс.

И она с неким сомнением поглядела на меня: понял ли я хоть что-то?

И вот, значит, я соображаю, что когда я спрашиваю ее, какие у нее предложения, то она может тут использовать мои слова против меня. Но она и сама как-то рассеянна и пропускает этот пас.

– Не знаю, – говорит она со вздохом, – может, в гости надо сходить.

И вот мы пришли в гости к мальчику Теме. Это воспитанный мальчик, который знает, как вести себя, когда к нему приходят гости. Начать с того, что он почти вдвое старше Маши. Тема усаживает Машу на белый пушистый ковер и дает ей пару игрушек из своего детства: мяч и пирамиду. Он понимает, что, если дать одну игрушку, девочка может заскучать, а если три, то слишком расшалится. Ни то ни другое не входит в правила приема гостей. Да, Тема хорошо знает, как занять ребенка.

Маша с некоторым опасением осматривается вокруг. Может показаться, что ей тут неуютно. На самом деле она смотрит, далеко ли родители. Потому что есть ведь несколько моделей поведения: с родителями, без родителей, а также с родителями, которые где-то рядом. В каждом случае есть смысл вести себя по-разному.

Родители где-то рядом. Маша садится на ковер и начинает лениво перекатывать мяч. Тема учит ее перекатывать мяч как надо. Маша вздыхает. Тогда он дает ей в руки пирамиду, показывает, как в нее играть. Маша берет ее в руки и внимательно смотрит на Тему. В этот момент я вхожу в комнату и понимаю, что мальчик прямо сейчас может получить этой пирамидой по голове.

– Папа, – Маша обрадована, – знаешь, о чем я сейчас думала?

Мне кажется, я знаю. Конечно, про чупа-чупс. Но я не дурак говорить ей об этом.

– Я думала, что мы зайчики, а мама-зайчиха умерла, а папа все на работе и на работе.

Ну, думаю, теперь, после такого предисловия, она точно попросит чупа-чупс. Она запугала меня этим чупа-чупсом очень сильно. Это одна из главных моих фобий. Но ничего подобного, не попросила.

– Мне душно и скучно, – говорит Маша.

– Я веселый мальчик, – не согласен Тема. – И мы можем открыть окно.

– Не надо. Лучше я разденусь.

И она быстро раздевается до трусиков. Тема смотрит на нее с испугом. А она не может скрыть торжествующей улыбки. Ну и кто к кому пришел в гости? Вот какая мысль, мне кажется, владеет ею.

И в этот момент я понимаю, что я ее на самом деле сейчас совершенно не интересую. Я бы не сказал, что так уж приятно. Но, в конце концов, когда-то, говорю я себе, это должно было произойти. Зато чупа-чупс не попросит.

– Маша, – говорю я, расслабившись, – не скучай. У Темы есть и другие игрушки. Он сейчас тебе еще что-нибудь принесет.

– Есть, – говорит Тема и приносит пистолет. Маша хватается за него, наставляет его на меня и кричит:

– Папа! Где мой чупа-чупс?!

«Там столько мужчин – и все незнакомые!»

Трехлетняя Маша (на самом деле, если задуматься, ей уже три с половиной скоро будет) уже давно просится на море. Из-за этого с ней бывает трудно. Мысль о море не оставляет ее практически ни на минуту.

На море она была первый раз в жизни в прошлом году. Тогда она обнаружила, что у моря нет берега, и была страшно расстроена. Я объяснял ей, что этим море и отличается от реки, но она ничего не хотела слышать. Отдых стал ей не мил. Она переживала молча, в одиночку. Это тоже было впервые в ее жизни, и я от этого страдал не меньше, чем она, пока не догадался свозить ее на один остров, с которого хорошо просматривался берег, где мы жили, и таким образом вышло, что у моря все-таки два берега.

С тех пор она регулярно вспоминала о море. Пару недель назад она призналась, что море ей приснилось.

- А что тебе приснилось? – спросил я.
- Ты, мама, бабушка, – честно вспоминала она. – Детский сад.
- А что ты делала?
- Каталась на велосипеде.
- По морю?
- Нет, папа. На велосипеде нельзя кататься по морю.
- Но ты к морю ехала на велосипеде?
- Нет, я вокруг дома каталась с Кириллом. Он меня не догнал.
- Маша, – спросил я ее, – но почему ты говоришь, что сон был про море?
- Потому что я хочу на море.

И вот теперь практически каждый разговор на любую тему она быстро сворачивает к морю.

Более того, она вбила эту мысль в голову и своему младшему брату, полугодовалому Ване, и он теперь тоже без устали показывает рукой за окно, делает характерные движения руками, как будто плывет (с сомнением смотрит на сестру, все ли так, как надо, и она коротко кивает ему, и он абсолютно, сверхъестественно счастлив и хохочет).

Ваня никогда не был на море, и Маша время от времени рассказывает ему, как там хорошо. Там огромные попугаи («Ваня, они громко каркают, вот так: кар-р! карр!»), там есть одно место, где тебя рано утром за пять минут сделают лисой или зайчиком («вот такие черные усы рисует!»), да там столько всего, что нет больше никакого смысла оставаться дома.

– А что вообще-то ты там будешь делать? – спросил я ее, когда она в очередной раз подошла ко мне с серьезным разговором на эту тему.

- Загорать буду, – с недоумением пожала она плечами.
- А ты знаешь, что твоя мама идет сейчас загорать? Она была поражена:
- Ты что! Здесь нет моря. Ты что, не знаешь?
- Знаю. Моря нет. Но мама идет загорать.

С одной стороны, она и мысли не допускала, что у нее где-то здесь под боком есть море. А с другой – она все-таки привыкла верить своему отцу. Я ее не обманываю. То есть не видела она от меня в жизни зла.

- Хочешь, мы тоже пойдем с ней?
- Хочу, – задумчиво, с некоторой опаской говорит она.

И мы идем в студию загара. Там растут пальмы. Там я с облегчением вижу каркающего попугая.

Мама показывает ей капсулу для загара с вертикальными лампами.

– Что это? – спрашивает Маша.

– Солнце, – говорю я.

– А-а, – кивает она. – А где море?

Я сначала хотел показать ей бассейн три на пять метров, но потом подумал, что это будет уж слишком жестоко. Может потерять веру в человечество. А это у меня запланировано гораздо позже, не раньше чем годам к двенадцати.

– Моря, Маша, здесь нет. Здесь только солнце. Моря тебе никто и не обещал.

– А мама уже идет загорать?

– Уже пошла, – говорю.

– А зачем?

– Для красоты, – отвечаю. – Чтобы нравиться незнакомым мужчинам.

– Поняла, – кивает она и слезает с высокого барного стула. – Я хочу домой.

Дома она бросается к бабушке:

– Бабушка, – кричит она, – Ванюшка! Вы знаете, где мы были? На море! Мама так загорела!

Я вздыхаю с облегчением, потому что подумал было, что ей все это очень не понравилось. Все-таки это было очень уж нечестно.

– А что еще ты там видела? – спрашивает бабушка.

– Там столько мужчин! – качает она головой. – И они все незнакомые!

«И скрипка упала уже...»

В гостях хорошо, и точка. Маша не очень любит сидеть дома. Вчера мы поехали в гости к моему приятелю, художнику Сергею Мейтуву. Он живет, можно сказать, в соседнем доме. На машине ехать три минуты.

Маша решила не упускать ни одной секунды.

– Папа, – говорит она, – а можешь быстрее? Второй раз меня об этом просить не надо.

– А еще быстрее?

На узкой улице, заставленной машинами, я уже перешел на пятую.

– А еще? А то ты медленно едешь, Ванюшке не нравится.

Ее полуторалетний брат не шевелясь сидит рядом с ней. Детский психолог, оказись он сейчас, не дай бог, в этой безумной машине, поглядев на Ваню, постарался бы сказать что-нибудь умное. Например, «что вы хотите, ребенок познает мир». А мне кажется, Ваня сидит и думает:

– Ничего себе! И он мне еще говорит: туда не ходи, сюда не ходи!

– Ваня, ты хочешь, чтобы папа поехал быстрее? – спрашивает Маша брата.

– Да! – подтверждает тот.

Вообще-то он сейчас на любой вопрос отвечает «да»! И Маша хорошо знает об этом.

– Папа, давай быстрее!

Спокойно, я понимаю, что я везу детей. Но мне кажется, что пока ситуация в пределах нормы. И я прибавляю.

– Папа, – говорит Маша, помолчав еще секунду. – А теперь отгадай загадку. Машина в реке, Маша ловит рыбу на берегу (ударение на последнем слове). Что это?

Вот тут я чуть не роняю руль из рук.

– Это, – наконец подавленно отвечаю, – я по просьбе моей дочери ехал все быстрее и быстрее.

Она кивает. Давно я так не попадался. Со взрослыми-то я бдительность не теряю.

Художник Мейтув, где живет, там и трудится. Дома у него мастерская. Все стены увешаны результатами работы. Он художник непростой, работает со всяким мусором, начиная с битых блюдец и заканчивая сгоревшими микросхемами. Все эти сокровища с особой педантичностью, которая и не снилась ни одному бомжу, живущему на свалке, разложены у него в большой светлой комнате по полочкам и ящичкам.

Маша осмотрелась и обрадованно сказала:

– Вот она, птичка!

– Где? – переспросил я.

– Да вот же!

Я смотрю и ничего не вижу, кроме мутных медицинских склянок да десятка с любовью отрезанных голов пластмассовых пупсов после курса химиотерапии (лысых то есть).

– Да нет, папа! – с досадой говорит Маша. – Вон там!

Наконец за грудой ржавых гвоздей и погнутых ключей я вижу два, нет, сразу четыре чучела маленьких попугайчиков.

– Птичку берем с собой! – говорит Маша.

– Да нет! Пусть живет тут, – отвечаю я ей.

– Она здесь погибнет, – резонно отвечает мне дочь.

– Возьми, Маша, попугайчика, – ласково говорит ей художник.

– Тогда двух, – уверенно заканчивает дочка.

– Второй мне и самому нужен. – В голосе художника появляются стальные нотки.

Я его понимаю. Посмотрел бы я на вас, если бы вас в одночасье лишили куска хлеба.

– У вас, кстати, нет тел Барби? – озабоченно спрашивает художник. – У меня есть предчувствие, что в какой-то момент они могут очень пригодиться в работе.

Следующие полчаса Маша тихо перебирает клавиши пианино в соседней комнате и смотрит в темное окно. Рядом лежит разноцветный попугай. Маша начинает негромко петь:

– Вот окно, оно закрыто, я пою, я немного сердита...

Потом мысль ее уносится куда-то очень далеко, и песня заканчивается минут через пять словами:

– И скрипка упала уже...

Маша умолкает и роняет голову на клавиши. Потом встает и кланяется.

Вообще-то я, честно говоря, поражен происшедшим. Я думаю, что на нее чудесным образом повлияла атмосфера этой квартиры. Надо срочно развивать эти способности, мелькает паническая мысль. Если, конечно, не все еще потеряно...

– А еще споешь? – ошарашенно спрашиваю я.

– Нет, не могу, – с сожалением отвечает она. – Ты же буквы убрал.

А я и в самом деле убрал с пианино тетрадь с нотами. Мне казалось, она будет отвлекать ее. А она смотрела не в окно, а в эту тетрадь и представляла себе, что читает стихи.

– Ладно, папа, – говорит она. – Поменяй моего попугая на здорового. А то у этого ножка отвалилась. И мы поедem домой. Только ехать будем очень быстро, понял?

«Без лифчика плавать нельзя – утонешь!»

Маша давно собиралась на Красную площадь. Вообще-то раньше она уже была на Красной площади, но не помнит этого. Ей тогда было около полутора лет. Оказавшись на Красной площади, она долго и старательно шла по белой линии, нарисованной на брусчатке, потом в какой-то момент сбилась, ступила на серый камень и потом страшно плакала из-за этого. Она была безутешна до тех пор, пока я не зашел с ней в магазин на Охотном Ряду и она не выбрала себе розовую кофточку. Меня тогда потрясло, что она твердо показала именно на розовую кофточку и отказалась даже примерить голубую. Только в тот момент я, кажется, наконец отчетливо понял, что у меня растет девочка, а не мальчик.

На прошлой неделе многое было иначе. Во-первых, в магазин пришлось зайти еще до того, как мы оказались на Красной площади. Она не требовала этого, а просто объяснила, что ей это очень нужно.

– А зачем? – уточнил я.

– Папа, там же есть солнечные очки и детский лифчик, – сказала она. – Мы же едем на море. Папа, ты что, не знаешь?

– Ну я понимаю, – машинально сменив курс и уже идя по направлению к магазину, говорил я ей, – зачем тебе солнечные очки. Но лифчик?

– А зачем мне очки? – спросила она.

– От солнца, наверное, прятаться, – предположил я.

– Но ведь здесь совсем нет солнца, – пожала она плечами. – Солнце есть только на море. Поэтому мы едем на море.

– Ну ладно, а лифчик тебе зачем?

– Чтобы плавать.

– А разве нельзя плавать без лифчика?

– Да, нельзя.

– А почему?

– Утонешь, – просто ответила она.

Мы купили ей очки и лифчик. Очки были розового цвета с оправой в форме сердечек. Примерив их, она надела очки и на мой нос.

– Нет, тебе они не идут, – сразу сказала она.

– Почему?

– Потому что это мои очки.

С лифчиком пришлось повозиться. Мы искали его довольно долго. В результате мы купили желтый купальник с зелеными пальмами. Она хотела идти в нем на Красную площадь, но я уговорил ее не делать этого. Убедил я ее не тем, что будет холодно или неприлично, а тем, что желтое на красном (на фоне кремлевской стены) совершенно не смотрится. Хотя на самом деле, по-моему, наоборот.

Когда мы вышли из подземного магазина, она сказала:

– Папа, смотри, там же фонтаны!

Она до этого, по-моему, никогда не видела фонтанов, но была, конечно, наслышана о них.

Там и в самом деле били фонтаны. Увидев, с каким удовольствием моя девочка рассматривает окаменевшую от горя Аленушку у ручья, я сразу стал лучше относиться к Зурабу Церетели.

Маша застыла возле Аленушки и напряженно глядела на нее. Мне показалось, она искала глазами ее братца Иванушку. Я тоже, кстати, поискал его глазами, но не нашел. Я

подумал, что, может, он уже превратился в козленочка и я не того ищу. Но и козленочка поблизости не было. А может, это и не Аленушка была в платье, а русалка с хвостом.

– Нравится тебе эта девушка? – спросил я у Маши, которая по-прежнему не отрывала взгляда от скульптуры.

– Какая девушка? – удивилась Маша.

– Ну каменная, в воде.

– Папа, – говорит Маша, – ты что? Я на мальчика смотрю. Видишь, мальчик стоит живой? Он же сейчас купаться будет в фонтане.

Тут я наконец понял, что она и в самом деле не на русалку смотрит, а на мальчика, который уже разделся до плавок и готовился залезать в фонтан. Так он и сделал через полминуты. Она смотрела на брызгающегося мальчика еще минут десять. Потом я все-таки увел Машу на Красную площадь. Она на этот раз не ходила по белой линии, а пыталась докричаться до солдат у входа в Мавзолей. Потом мы поехали домой.

– Маша, признайся, – спросил я ее дорогой, – ведь ты тоже, наверное, хотела в фонтан прыгнуть? Скажи честно: очень хотела?

– Я? – удивилась она. – Нет, не хотела. Я на мальчика смотрела. Мальчик очень смешной. В фонтане купался. А мы-то с тобой на море поедem!

«Принцесса Аврора не сделала бы этого!»

Дети с мамой уехали отдыхать на море, а я остался в Москве. Осиротели не они, а я.

Оттуда, из-за границы, вторую неделю поступают отрывочные сведения. Вторую неделю идут позиционные бои по всем фронтам с переменным успехом.

– Мама, – говорит Маша, – мы жили в Москве, в голубом доме. А теперь наш дом – гостиница, да?

– Да, дочка, так уж получилось, – успокаивает ее мама. – Зато здесь есть море.

– Ну так пойдем на море, – говорит Маша.

– Сначала завтрак, потом бассейн, потом море.

– Нет, мама, сначала бассейн, потом море. Про завтрак речи нет вообще.

– Маша!

– Аленка! – грозит она пальцем матери.

– Маша, ты меня расстраиваешь.

– Мама, – говорит Маша, – не расстраивайся. Зато ты у нас молоденькая. А папа у нас высокий.

Ее брат Ваня, которому еще нет двух лет, тоже вспоминает меня. Он приходит в лобби отеля, встает у автоматически открывающейся стеклянной двери и подолгу ждет меня. Это ожидание наполняет мою душу чувством непреходящей вины, а мою жизнь – смыслом.

По телефону я объясняю ему, что приеду со дня на день, а он говорит: «Дядя, би-би». Это значит, что кто-то катает его на машине. Кто? Я спрашивал у жены, она говорит, что никто, что он катается только на игрушечной машине в зале игровых автоматов. Но откуда же там дядя? А это механик, объясняет мне жена. Я думаю, она говорит правду. Но слышать ее все равно больно.

Маша не интересуется машинками. Ее устраивает ворох сладкой ваты на деревянной палочке. Когда мама первый раз купила ей сладкую вату, она взяла ее, подержала перед собой и сказала:

– Вот настоящее счастье для маленькой девочки.

Один итальянец сфотографировал Машу за этим занятием. Ему, чернявому, понравилась девочка с длинными льняными волосами, голубыми глазами и с ворохом белой сладкой ваты в руках. Пока она позировала ему, ее мама, засмотревшись на все это, споткнулась и упала.

– Ничего, мама, до свадьбы заживет, – успокоила Маша.

– Да все, Маша, я уже замужем.

– А, ну да, – согласилась Маша. – Хорошо тебе? – Да.

– И что, белую фату не хочешь?

– Нет, фату не хочу.

– Ну тогда до моей свадьбы заживет.

Она мечтает о белой фате и о принце Филиппе, но знает, что его сердце занято. Она не страдает, ничего личного. Она понимает, что свадьба – это игра. Серьезно у нее с одним мальчиком из детского сада.

На танцах вечером она сторонится других детей, хотя любит танцевать. Ее брат не понимает, как можно не танцевать, если играет хорошая музыка.

– Давай, Ваня, давай, – равнодушно говорит она ему, – иди, танцуй. За все заплачено.

Только когда дети повторяют за взрослыми их фразы, понимаешь, насколько эти фразы тупые.

– Маша, – говорю я ей по телефону, – ты же любишь танцы. И не притворяйся, что они тебе безразличны. Ты весь год мечтала о них. Помнишь, сколько раз ты заставляла меня рассказывать тебе, как мы из Москвы приезжаем на море и сразу идем на танцы?

– Помню, – говорит она. – Мало.

– Да, зато каждый день. И почему же ты теперь стоишь в сторонке?

– Папа, – тихо говорит она, – я тебе скажу, только пусть мама выйдет из комнаты.

– Ну пусть.

– Папа, она не хочет.

– Я не могу оставить их двоих в номере, – сразу говорит мне жена. – И не проси.

Это ревность. Все равно ведь придется. Когда она выходит, Маша, решившись, говорит:

– Папа, это же измена! Ты что, не понимаешь?

– И кому ты изменяешь, Маша?

– Васе. Принцесса Аврора не сделала бы этого.

– Хочешь, я спрошу разрешения у Васи? Вася ведь остался в Москве.

– Спроси, папа! Пожалуйста!

На следующий день я сказал ей, что Вася не против. Вечером она танцевала буквально до изнеможения.

Вопрос: должен ли был я на самом деле поговорить с Васей? А если бы он не разрешил?

«Разве не с кем поболтать на небе?»

Маша шла берегом моря. Ее зимняя мечта исполнилась месяц назад. Вот уже месяц она с братом и мамой живет здесь. Хорошо ли ей? Да. Вот идет она берегом моря и видит смуглого мужчину лет 35. Он останавливается, здоровается с ней и гладит по голове.

– Кто это, Маша? – спрашиваю я ее, когда он нехотя отходит от нее и идет не спеша дальше.

– Это мой друг, – отвечает она, пожав плечами.

– Друг? Маша, да ты его в первый раз видишь! – поражается мама.

– Ну и что? Он же со мной поздоровался, мама! – отвечает Маша.

Таким образом, ее другом становится всякий человек, который с ней поздоровался. Это логично. Так и должно, по идее, быть. Но так не бывает ведь никогда, мне казалось до тех пор, пока я неделю назад не присоединился к ним здесь.

Можно было бы все списать на ее детскую наивность. Но вот администратор ресторана подходит к нашему столу, смотрит на стул, где только что сидела моя дочь, и спрашивает меня:

– Где Марша?

Я пожимаю плечами. Она только что сидела здесь. Спросил бы он меня, где Ваня, и я бы точно ответил. Ваня ушел еще 10 минут назад, и искать его надо в зале игровых автоматов. Он сидит в машине перед бесконечно повторяющейся на экране картинкой бьющихся спортивных автомобилей и бешено крутит руль. Он может крутить его час. Может два. И три тоже может. Никто просто не проверял, сколько он может крутить этот руль. Только не надо говорить, что мы оставляем ребенка без присмотра, чтобы самим спокойно поесть. Ваня и Маша находятся под постоянным пристальным наблюдением. Их провожают, взглядом и за руку, из ресторана и встречают с распростертыми объятиями в зале игровых автоматов. Там обижаются, если Ваня полдня не кажет к ним носа. Но это может означать только одно: что мы в этот день уехали кататься на яхте.

– Где Марша? – раздраженно повторяет администратор.

Я опять пожимаю плечами. А может, она уже на танцах.

– Марша – мой друг, – наставительно говорит администратор.

Можно было бы предположить, что просто у него работа такая в этом отеле, предназначенном для детей, а не для взрослых.

Но вот Маша сидит на галке с итальянской девочкой и о чем-то болтает с ней. Но о чем она с ней может болтать? Я подхожу поближе: точно, ни о чем. Маша не знает итальянского, а девочка русского. И все-таки они не могут наговориться. Подходит отец итальянки и говорит мне по-английски:

– Они подружились, правда?

– Да, – говорю я. – Но о чем они говорят?

– Море, – отвечает он. – Парашют. Они говорят о парашюте.

Да, точно. Маша показывает рукой на парашют, который тащит на себе маленький катер. Известное развлечение.

– Папа, – говорит мне Маша, – я тоже хочу туда.

Она снова показывает на парашют, под которым болтается чье-то безжизненное, как представляется отсюда, тело. Я понимаю ее. Она тут везде уже была, кроме этого неба.

– Маша, – говорю я ей. – Там скучно, на небе.

– А почему? – задает она любимый свой вопрос.

– Ну видишь, под парашютом дяденька скучает. Он там один. Ему не с кем поговорить. Поболтать просто.

- Не с кем поболтать на небе? – после долгого молчания уточняет Маша.
- Не с кем, Маша, – с сожалением подтверждаю я и вдруг спохватываюсь. Но поздно.
- А бог? – уже спрашивает она.
- Что бог?
- Можно с богом поговорить.

А я ведь ей сам же только что рассказывал про бога. Рассказывал, когда мы ехали в автобусе. Она сидела во втором ряду и напевала какую-то песенку. Гид, сидевший впереди, незаметно подsunул ей микрофон, чтобы песню услышал весь автобус. Но Маша вовремя заметила этот маневр и замолчала.

– Скажите ей, что если она сейчас споет, то будет звездой, – попросил меня гид по-английски.

Я сказал, неожиданно Маша запела: «Мамочка, милая мама моя, пусть эта песенка будет твоя...» Она спела ее всю, но, впрочем, торопилась поскорее закончить. Раздались аплодисменты.

- Все, папа? – спросила она меня.
- Что все? – переспросил я.
- Я теперь звезда?
- Да, – признал я. – Ты звезда!
- А что это значит?
- Что ты лучше всех.
- Лучше бога?
- Вряд ли. Но где-то близко.
- Да, – сказала она тогда. – Бог на небе. И звезда на небе.
- Это все уже было слишком сложно для меня.

«Это не смешно»

Дети вернулись с моря. Я думал, они расстроятся, увидев, что их здесь ждет. Я ошибся. Я вернулся в Москву раньше их на три дня. И я думал, что они похожи на меня. То есть вот они думают только о том, что приедут и опять с головой уйдут в эти непоправимые и бессмысленные московские хлопоты.

Но сходство между нами, к счастью, только внешнее. Они не поехали, как я, из аэропорта на одно производственное совещание, а потом на одну встречу, насчет которой было предположение, что она может изменить ход истории, и не заехали поздно ночью на работу, потому что надо было совершить несколько поступков с использованием Интернета, и не встретили там рассвет.

Они сели в машину. Был поздний вечер. Начался ливень. Я ждал их три часа, потому что самолет задерживался, и за это время заметно похолодало, градусов на пять-то точно. Маша посидела молча минуты три, оценивая сложившуюся обстановку, и спросила:

- Папа, а куда мы едем?
- Домой, Маша. Ведь у тебя есть дом.
- А-а, – сказала она. – А когда мы поедем обратно?
- На море?
- Нет, к Павлику.
- А Павлик где? – удивился я.
- Павлик на море, – согласилась она.
- А кто это?
- Мой жених, – сказала она.
- А с родителями ты не хочешь жить?
- Я буду приезжать к вам в гости.

Кто-то, может, и обрадовался бы, услышав эти слова. Но Маша произнесла их рано. Чтобы они прозвучали убедительно, ей надо прожить еще лет, мне кажется, двадцать.

- Маша, мы едем домой, – довольно резко сказал я. Она сразу почувствовала это.
- Папа, я приехала к тебе в гости, – твердо ответила она.

Такое было в первый раз.

- Папа, смотри, что мне подарили, – и она достала из рюкзака стеклянные бусы.

Может, она хотела отвлечь меня от мрачных мыслей.

- Маша, – спросил я, холодея от страшного предчувствия, – кто тебе это подарил?
- Один человек, – осторожно ответила она.
- Его зовут Павликом? – уточнил я.
- Да! Да! – захлопала она в ладоши.
- Его зовут Паоло, – поправила дочку мама. – И он работает барменом в отеле. Они

подружились за этот месяц.

- Это мой жених, – не согласилась Маша.
- Это твой друг, – сказала ей мама. Маша неожиданно заплакала.
- Жених так жених, – пробормотал я.
- Мама! Папа говорит, что Павлик мой жених! – закричала дочь.

Маму труднее, чем меня, обвести вокруг пальца.

– Ты же сама говорила, что это твой друг. Приехали к папе, и ты говоришь, что он жених. Так кто он такой?

- Павлик, – вздохнула Маша.

Когда мы подъехали к дому, ее брат Ваня, молчавший всю дорогу, потому что спал, проснувшись и оглядевшись по сторонам, так же молча отказался выходить из машины. Он,

наверное, думал, что вот он полетает на самолете, покатается на машине, потом поспит, а потом проснется в своем номере с видом на море. Он не рассчитывал, что за окном дождь. Он твердо покачал головой: никуда не пойду, даже не думайте.

И вот прошло уже несколько дней, а я до сих пор горжусь тем, что сел к нему на заднее сиденье и ждал, пока закончится дождь. Он оценил мое благородство и сам вышел из машины, когда дождь закончился.

Победил ли он меня? И вообще, что это было? Вот интересно, что делать в такой ситуации. Ну конечно, надо, кажется, брать его на руки и нести домой. И наверное, в обычной московской жизни я бы так и сделал. Он бы поорал какое-то время, а потом успокоился, и мы оба забыли бы про эту историю. Но я же соскучился.

Наутро Маша пришла ко мне и сказала:

– Папа! Я не хочу к Павлику. Я буду жить у тебя. Я засмеялся. Или это был стон?

– Папа, это не смешно, – сказала она. Я кивнул.

«Плевать нам на этого мента»

Я был в командировке в одном кавказском городе. Не так уж просто там было найти интернет-кафе. Но вот нашел. Каждый вечер я ходил туда. И один раз отвлекся на секунду, смотрю – со стола пропал мобильный телефон. Вокруг подростки, эти малолетние преступники со скучающими лицами. Играют в азартные компьютерные игры.

– Мальчики, – спрашиваю, – кто из вас украл мой мобильный телефон? Отдавайте, он мне очень нужен.

Они, конечно, очень удивились. Одна сердобольная женщина, которая зашла в это кафе разменять пятьсот рублей, вызвала милицию. Милиционер посмотрел на меня и спросил:

– Здесь у вас что?

– Интернет-кафе.

– Кафе? – переспросил он. – И много ты выпил сегодня? Не пил? Как не пил? Ну тогда иди в райотдел.

В райотдел идти не хотелось. Но он, во-первых, оказался близко, а во-вторых, мне очень нужен был телефон. Хотя я понимал, конечно, что я выбрал не лучший способ его найти. Меня долго никто не хотел слушать, потом вышел один парень и все выспросил про мою жизнь, буквально все. И только потом сказал, что шансов найти телефон практически никаких. А потом он говорит:

– А ты, журналист, из какой газеты?... Как ты сказал?! «Коммерсант»? А ты Заура Фарниева знаешь?

– Конечно, – говорю. – Это же наш собкор в вашем городе.

– Меня Марат зовут, – сказал он. – И это не собкор, а мой лучший кент. Классный мой друг. Ну ладно, пойдем тогда.

По дороге со второго этажа на первый он забрал с собой еще трех сотрудников, а на улице – еще двух вместе с машиной. В интернет-кафе он сказал всем малолетним преступникам, что ему нужен мой телефон через пять минут. Я обратил его внимание на одного паренька, который с самого начала казался мне подозрительным из-за своего переломанного носа.

– Так, если не хотите колотиться, то всех – в райотдел! А ты со мной.

Его товарищи загрузили часть компьютерных гениев в машину, а часть увели пешком в райотдел. Это были теперь, как я понял, заложники. А с главным подозреваемым он не спеша пошел по ночному городу. Минут через тридцать Марат подошел к райотделу. Он был один и очень расстроен. Он рассказал, что уже расколол было паренька, но потом тот оказался наркоманом и убежал. Мы поднялись на второй этаж. Марат становился все мрачнее.

– Ну и сколько ты сможешь продержаться без телефона? – спросил он.

Я ответил, что нисколько.

– Ну ладно, – сказал он, – тогда держи.

И он вытащил из кармана мой телефон. Мне казалось, он счастлив больше меня. Хохоча, он рассказывал, что парень в конце концов сам сбегал в соседний двор за телефоном. Он там его кому-то уже отдал на сбыт.

– Так что и наша милиция что-то может, а? Не только плохое! – сказал он на прощанье.

Я сердечно поблагодарил его и вышел из райотдела в осетинскую ночь. В нескольких метрах от дверей меня ждала живописная группа малолетних преступников. Им было лет по 16–18. Это были те же плюс еще человека три, видимо, те, которым дали поддержать мой телефон. Им, наверное, было обиднее всего.

– Нашелся телефон-то! – сказал я, сам подойдя к ним. Я решил, что надо первым наносить удар.

– Глупые вещи не говори, – перебил меня один, невысокого роста.

Мы пошли по улице. Они окружили меня плотным кольцом.

– А вы зачем телефон мой украли? – спросил я. Терять-то было нечего. А обрести, в случае удачного исхода разговора, я мог жизнь. Он помолчал и сказал:

– Тебе этого не понять.

– Не надо так больше делать.

– А что, он тебе очень нужен? – спросил уже он меня. – Да!

– Ну смотри, – продолжил он, предлагая подумать вместе. – Вот, допустим, тебя сейчас просто шлепнули, вот прямо тут, на этом месте. Ты же это заслужил. Зачем ты к ментам пошел? Сказал бы нам, мы бы, может, и отдали. А ты пошел. Вот тебя, допустим, шлепнули. Скажи, нужен тебе тогда этот телефон?

Логика была убийственная.

– А знаешь, почему я тебе его отдал? – спросил он. – И почему тебя никто сейчас не тронет? Плевать нам на этого мента. Открой свой телефон. Мы так поняли, дочка твоя на фотографии на заставке? Красивая девочка. Как ее зовут? Маша? Привет ей передай.

«Ты что, заболел?»

Пока не холодно, мы решили сходить с детьми в зоопарк. Точнее, пока не холодно, надо идти с детьми в зоопарк. Ведь иначе надо будет идти с детьми в зоопарк, когда будет холодно. Окончательно проблема формулируется так: с детьми надо ходить в зоопарк, и уж лучше делать это, пока не холодно.

И главное, дети ведь тоже очень хорошо понимают, что взрослые должны ходить с ними в зоопарк. Не то чтобы они очень хотят в зоопарк. Ну кого они там не видели, в конце концов? За свою короткую бурную жизнь дети успевают на самом деле очень многое. Вот спросите их, есть ли звери, которых они не видели? Например, на картинках в книжках представлено дикое количество животных, которых можно рассматривать без боязни, что они тебя укусят. Или вот я ходил с дочерью в цирк, так там слон был такой пыльный и так громко пукал, что лучше бы она такого слона никогда в жизни и не встречала. В результате девочка потеряла веру в слонов. Разве это хорошо? А ведь про них стихи пишут, буквально поэмы сочиняют. А они, оказывается, пукают во всеуслышание.

Конечно, можно задаться вопросом: а кто вообще сказал, что с детьми надо ходить в зоопарк? Показали бы мне этого человека... В результате, обдумав все это, я не пошел с детьми в зоопарк. Я не смог найти ни одного аргумента, чтобы заставить себя сделать это. Правда, Маша, чье четырехлетие уже не за горами, начала утро с того, что сразу напомнила мне про зоопарк.

– Папа, – спросила она, – ты идешь с нами в зоопарк?

То есть эта неглупая девочка сразу противопоставила меня этому небольшому сплоченному коллективу, состоящему из нее, ее маленького брата и их мамы. Наверняка она понимала, что мне не понравится это противопоставление и я захочу, чтобы она больше никогда так не говорила. А первый шаг для этого – пойти с ними в зоопарк.

– Маша, – спросил я, – а зачем я вам в зоопарке? Там что, больше не на что смотреть?

– Папа, так ты что, не пойдешь с нами? А куда ты пойдешь?

– Никуда, наверное, не пойду.

– Дома будешь сидеть? Ты что, заболел?

Что она имела в виду? Что человек в здравом уме и твердой памяти не может не пойти в зоопарк, если ему так запросто предлагают?

– Маша, я здоров как бык, – сказал я.

– А в зоопарке есть бык? – заинтересовалась Маша.

– Есть, – ответил я. – Попроси, и мама найдет тебе там быка.

На самом деле невозможно, конечно, объяснить, почему я с таким маниакальным упорством отказывался идти в зоопарк. Что и кому я хотел доказать? Хотел ли я пойти против общественного мнения и уклада жизни горожан, по которому они с детьми ходят в зоопарк? В известной степени, конечно, хотел. Но не только это. Думая об этом, я пришел к выводу, что сопротивляюсь только потому, что мне навязывают уже готовые решения. Глупо ли это было? Глупее некуда. Достаточно сказать, что эти решения пытались навязать мне мои дети, которых я из-за бесконечных командировок давным-давно не видел.

– Ну ладно, папа, ты сиди дома, а мы пойдем в зоопарк, – сказала Маша.

То есть она опять хотела победить. Получалось, что это все-таки ее решение, а не мое. Но тут уж я не стал спорить. Это была бы уже совсем какая-то беспросветная глупость с моей стороны: взять и пойти теперь в зоопарк.

– Маша, – спросил я дочку на всякий случай, – а зачем ты идешь в зоопарк? Кого ты надеешься там увидеть?

– Жирафа, – быстро сказала она.

– Но ты ведь уже видела жирафа. Ты была в зоопарке. Это Ваня никогда не был, а ты была.

– Папа, я тогда была очень маленькая и ничего не помню, – сказала Маша.

Алена, моя жена, позвонила мне из зоопарка и все рассказала. В общем, только войдя в зоопарк, Маша сразу перечислила все, в чем прежде всего нуждалась:

– Сладкая вата, воздушный шарик с зайчиком, чипсы, мороженое, мыльные пузыри... И на аттракционы.

– А как же звери? – спросила ее мама. – Там же жираф!

– Позже, – коротко ответила Маша.

Она прекрасно понимала, нигде больше в одном месте и в одно время она не получит всего этого богатства. То есть она еще в первый раз прекрасно осознала истинное назначение зоопарка в жизни человека.

Только в этот момент я ее по-человечески и понял, и отдал ей должное. И значит, нет между нами трагического непонимания. А то – жираф какой-то.

«Меня лес уморил»

Маша и Ваня начали собираться за грибами с вечера. Маша хорошо понимала, насколько все серьезно. Надо ничего не забыть: надеть теплую куртку, сапоги, перчатки, взять любимую куклу – негра Тони, три дамских сумочки на шею, блеск для губ... Да мало ли каких совершенно необходимых мелочей надо не забыть взять с собой маленькой леди, как она себя называет, чтобы достойно выглядеть в лесу.

А как вы хотели? Вот возьмем, например, лес. Вы входите в лес. И что вы сразу делаете? В лучшем случае начинаете шумно дышать лесным воздухом впрок. В худшем – сами знаете. Маша, войдя в лес, сказала:

– Привет, лес!

И мне показалось, он ей ответил. Ветками качнул, что ли. Ну или там еще что. Не знаю, может, и ничего не ответил, конечно. Допускаю, что это вообще не мое дело. У меня с лесом другие отношения. Тоже, между прочим, не самые простые. Но какие-то налаженные, что ли. Сколько себя помню, столько я в лес и хожу. Лес отдает себе в этом отчет, я абсолютно уверен. Иначе в прошлом году я ни за что не нашел бы бумажник с паспортом. Я зашел тогда в лес, долго по нему ходил, а потом, когда вышел, понял, что где-то выронил паспорт и бумажник со всеми документами, которые только могут быть у человека. В лесу! Нагнулся и выронил. Надо было найти это место, где я нагнулся. А я там постоянно нагибался, грибов-то было много. И вот я вернулся в лес и еще несколько часов, до темноты, искал там не грибы, а свой бумажник и паспорт. Это было совершенно безнадежное занятие. Нельзя же в глухом лесу найти свои документы. Но я нашел. Они так рядом и лежали.

Это произошло потому, что сложились все-таки за многие годы какие-то отношения с лесом. И он отдал мне мои документы. На самом деле ему чужого не надо. У него все есть. Это нам от него все время что-то нужно.

И дети у меня за эти годы появились. Надо было познакомить их друг с другом: детей и лес. А то уже просто неприлично было.

И вот Маша собралась поздним вечером в лес, взяла Ваню за руку и зашла ко мне в комнату.

– Папа, – сказала она, – ну мы готовы.

– Молодцы, – ответил я. – Ложитесь спать.

– Папа, мы что, не идем в лес? – внешне спокойно спросила Маша.

Я, конечно, понимал, какая буря бушует у нее в душе на самом деле. Но разве у меня не бушевала в душе буря, когда я в полночь увидел свою дочь не в пижаме, а в полном боевом снаряжении, в котором можно было не только в лес – и на Северный полюс безо всякого страха отправляться?

– Идем, – говорю, – но только завтра утром. И ты об этом знаешь. Только вводишь в заблуждение бедного маленького Ваню. Хорошо ли это? Посмотри, ведь он так верит тебе.

Маша посмотрела на Ваню и осталась удовлетворена. Да, он верил ей.

– Папа, – спросила Маша еще раз на всякий случай, – может быть, мы все-таки пойдем сейчас в лес? Понимаешь, Тони очень хочет. А я-то могу и не ходить, конечно.

Она еще думала, всплакнуть ей или не стоит, когда я в жесткой форме окончательно отказался идти ночью в лес. Она поняла, что слезами горю не поможешь, снова взяла за руку Ваню и неожиданно сказала:

– Пойдем, Ваня. Мы, кажется, не туда попали.

И они вышли. Вот этого я от нее не ожидал. То есть как это не туда? А куда же они хотели попасть? Может быть, к их маме? Да нет, там разговор был бы еще короче. Что имела

в виду эта девочка? В общем, она почти лишила меня сна. То есть все-таки достигла своей цели.

Утром мы пошли в лес. Дети были в расписных резиновых сапожках и с настоящими берестяными лукошками в руках. Уверен, мы представляли собой живописную группу. Маша здоровалась с лесом и вообще-то была по-настоящему потрясена. Ваня старался не отставать. В лесу было неожиданно много грибов, правда, почти все несъедобные.

– Папа, – спрашивала Маша, – это что? Я подробно объяснял, что это поганка.

– Можно, я к ней ближе подойду?

– Давай. Только не очень близко.

– А можно еще ближе?

– Ну еще чуть-чуть.

– А можно, я его развалю? Только можно, я буду держать тебя за руку?

И вот так мы долго ходили по лесу и даже набрали грибов. Ваня первым научился отличать съедобные от несъедобных и сам нашел несколько грибов. Он даже запомнил слово «груздь». Время от времени, когда кроны деревьев начинали качаться от ветра, Маша грозила лесу пальцем:

– Не шуми! И он утихал.

Маша держалась в общей сложности часа два с половиной, а потом призналась:

– Папа, меня лес уморил. Придется идти домой. Мы пошли домой, потом долго чистили грибы, потом солили их. Потом позвонил ее дядя и спросил, какие грибы мы видели.

– Давилики, – ответила Маша.

– Почему давилики? – растерялся дядя.

– Потому что мы их давили.

Он тогда спросил, много ли грибов мы собрали в корзину.

– Нет, не очень, – сказала Маша. – Все, которые недодавили.

«Не переживай, папа же всегда возвращается»

Я сижу в гостинице «Вахш» в Душанбе и думаю о том, что у Вани скоро день рождения. Эта мысль примиряет меня с таджикской действительностью.

Ему исполнится два года. Маша почти вдвое старше. Она ждет этого праздника гораздо более страстно, чем Ваня.

– Папа, – говорит она, – но мне уже надоело ждать. Сколько можно?

– А что ты так волнуешься? Терпи.

– Когда ему исполнится два года, он наконец-то будет называть меня «Маша», – говорит она.

То есть она ждет именно этого. Вот что будет лучшим подарком ей на день его рождения.

– А сейчас он как тебя называет?

– «Мафа», – вздохнув, говорит она.

На самом деле ей очень нравится, что Ваня еще не овладел в совершенстве родной речью. Она подходит к нему и говорит:

– Ваня! Скажи «акула»!

– Акула, – говорит Ваня.

– А-а, – разочарованно говорит Маша.

Еще неделю назад у него не получалось это слово.

– Ваня, еще раз скажи «акула», – она, видимо, надеется, что первый раз у него получилось случайно.

– Акула, – с готовностью подтверждает мальчик.

– Ваня, а скажи тогда «Кощей Бессмертный». Мальчик потрясенно смотрит на нее. Он не может вымолвить ни слова.

– Ваня, почему ты молчишь? – интересуется эта добрая девочка. – Не молчи. Я не люблю, когда молчат.

Ваня молчит. Нет, он ничего, конечно, не затаил. Он просто не может вымолвить ни слова.

– Ты, наверное, просто скучаешь, Ваня? Да?

– Да, – говорит мальчик просто для того, чтобы поддержать разговор.

– Ничего, – успокаивает она. – Все скучают. Мама скучает по папе. Я скучаю по Паоло.

Я даже вздрогнул, когда это услышал. Слишком хорошо она помнит этот летний отдых на берегу моря. Я думал, что увлечение итальянским танцовщиком давно прошло.

– А я? – неожиданно вступает в разговор Ваня.

– А ты, Ваня, скучаешь по бабушке, – с удовлетворением говорит Маша.

А он-то, наверное, надеялся, что он скучает по какой-нибудь девочке.

Было во всем этом, конечно, с ее стороны какое-то утонченное издевательство. Настолько утонченное, что Ваня его даже не заметил.

Но в целом она к нему относится позитивно.

– Хочешь, Ваня, будешь моим мужем? – однажды спросила она его, вернувшись из детского сада. – Я сейчас ищу себе мужа. Пойдешь на работу, принесешь деньги, я их буду тратить. Купим чупы.

Ваня страшно оживляется.

– Много? – переспрашивает он.

– Очень, – кивает Маша. – Очень много чупы.

– Да! – кричит Ваня.

– Ну ладно, я подумаю, – говорит Маша.

– А можешь быть моим сыном. Это для тебя не очень хорошо. Я строгая. Почему у тебя не застегнута пуговица? Ну-ка, иди ко мне!

Ее мама решает прекратить это унижение.

– Маша, может, лучше сама родишь себе мальчика? Ваня – это мой сын.

– Сама? Мам, что-то не хочется, – признается Маша. И вот все это я вспоминаю, сидя в гостинице «Вахш» в Душанбе. В результате взаимных усилий двух сторон, России и Таджикистана, подписаны исторические документы... Тьфу ты! И я думаю о том, что бы мне еще вспомнить про Машу и Ваню. И вспоминаю главное.

– Мама, ты почему такая грустная? – спросила Маша маму.

– Папа уехал, Маша, вот и грустная, – говорит мама, надеюсь, правду.

– Мама, не переживай, – гладит ее по руке Маша. – Он вернется. Он же всегда возвращается.

«Меня зовут Маша, фамилия Колесникова...»

В магазине «Петровский пассаж» был большой детский праздник для взрослых. В нем участвовала и Маша. Речь, в общем, шла о показе детской моды. На полу были нарисованы шпалы, по залу ходили крокодил Гена и Чебурашка. Маша должна была выйти из вагончика и продефилировать по шпалам в розовом платье с заниженной талией.

Маша мечтала о показе несколько дней. Можно сказать, что грезилась им. Она требовала, чтобы мама показала ей, как ходить по подиуму. Мама стеснялась и говорила, что они сейчас посмотрят телеканал Fashion TV, где и наберутся необходимого опыта. Но перед самым показом Ваня с корнем выдернул электрический шнур из телевизора, и демонстрация не состоялась. Чтобы не возникло ненужных вопросов по поводу моей компетенции, скажу, что муж был в командировке.

В конце концов Машина мама все-таки решилась сама (деваться ей было, впрочем, некуда), и девочка получила некоторое представление о том, как ходят по подиуму.

В магазине Маше для начала покрасили глаза. Она была поражена. Но не тем, что у нее теперь покрашены глаза, а тем, что мама позволила это сделать. Ведь она сама давно пыталась покрасить глаза. Это была своего рода идея-фикс. У одной – покрасить глаза, у другой – не дать этого сделать раньше времени. Алена предполагала, что время наступит лет через десять.

Собственно говоря, что бы после этого ни произошло, Маша уже пришла не зря. Но тут ее одели в это розовое платье, а сверху накинули такую же розовую курточку. Она взяла руку за руку своего старшего товарища Тему (ничего пока личного) и пошла, чуть виляя бедрами, как ее учили. Правда, она забыла упереть на ходу правую руку в бок (научили перед самым выходом), но посмотрел бы я на того, кто в этой ситуации не забыл бы.

После показа для детей накрыли праздничный стол. Было огромное количество пирожных. Маша пробовала их все подряд и категорически отказалась есть только одно, с фигуркой крокодила Гены.

– Нет, мама, я не могу, – покачала она головой.

– Понимаю, дочка, – Алена была, конечно, растрогана. – Но все-таки это только пирожное. Это же не живой крокодил Гена.

– Да нет, мама, – сказала Маша. – Просто я уже объелась. Съешь лучше ты. А то еще кто-нибудь съест.

Когда они вышли из магазина, то встретили старушку, которая просила милостыню.

– Мама, – спросила Маша, – а что, бабушка деньги дома забыла?

Наверное, ей следовало бы рассказать, что на самом деле произошло с бабушкой. Но Алена малодушно решила, что как-нибудь в другой раз. Может быть, и правильно: не в такой день.

Из одного магазина они пошли в другой, в «Детский мир». Там Маша останавливала продавщиц и покупательниц, показывала свои глаза и рассказывала им:

– Вы видите, что у меня глаза покрашены? Меня зовут Маша, фамилия Колесникова, я показывала моду, ходила за ручку с Темой по шпалам.

Люди не понимали, по каким шпалам.

– Ну, по шпалам! – сердилась Маша. – Мама, скажи им! Алена терпеливо объясняла, что шпалы нарисованы в магазине, что Маша выходила из вагончика в розовом платье с розовыми бутонами, а перед тем оттуда вышли крокодил Гена и Чебурашка, которые поехали на отдых.

– Мама, расскажи, как я не стала есть крокодила Гену! – просила Маша.

Алена, вздохнув, рассказывала.

– Понятно? – торжествующе переспрашивала Маша и добавляла, чтобы им было совсем уж все понятно: – Просто у меня сегодня хорошее настроение. Поэтому я могу угостить вас орешками.

И хоть бы один отказался.

«Мне надо много чуп!»

У Вани был день рождения. Подарки мы ему дарили спросонья. Не успел проснуться не только он, но и мы. Подарков было много. Поначалу шли довольно странные. Были подарены ботиночки, например. Ну что же это, если разобраться, за подарок? Представьте, что вы ребенок и вам дарят ботиночки. Наверняка ведь вам дарили в детстве ботиночки. Вспомните это чувство недоумения, граничащее с яростью. И никогда не дарите двухлетнему мальчику на день рождения ботиночки.

Ваня был шокирован. Ботиночки – никакой не подарок. В ботиночках ходят, бегают по лужам. Совсем еще недавно в них писали. Но к подарку, внезапному счастью, это не имеет никакого отношения. Ребенок усвоил, что у него праздник. Мы сумели ему это внушить. И теперь Ваня был полностью дезориентирован. Действительно, должно пройти лет все-таки, наверное, по крайней мере десять, чтобы ботиночки и в самом деле стали хорошим подарком мальчику на день рождения.

Положение спасла Маша. Она увидела, в каком, мягко говоря, недоумении находится ее брат, и сказала, что это она дарит ему ботиночки. Не знаю, чем был вызван этот приступ доброты с ее стороны. Девочка вызвала огонь на себя.

Более того, она, тоже еще не проснувшись, начала надевать на него эти ботиночки. Тут я начал понимать, в чем дело. Ей просто хотелось обуть его. Она сказала ему, что она его мама, и долго, высунув язык от напряжения, застегивала ремешки.

Потом пришел черед джинсового костюмчика. На это я уже вообще не мог смотреть без слез. И Ваня тоже. Что там еще было, в этом мешке с подарками? Да, я по ряду причин не принимал непосредственного участия в покупке подарков. Я купил только один, но зато какой. Впрочем, до него очередь не дошла.

Ваня начал разбрасываться подарками. Он швырял курточку и джинсы и говорил:

– Мне не надо!

– А что тебе надо? – на всякий случай спросил я.

– Много чуп!

– Много? – переспросил я.

– Много-много! – крикнул Ваня.

Боже, как все просто. Я почувствовал, что даже мой подарок может померкнуть на фоне такого количества чуп.

В это время дошла очередь до конструктора. Это был еще не мой подарок. Ваня, кажется, наконец заинтересовался. Он попросил распаковать подарок. Интересовало его одно: конструктором можно бросаться во все стороны довольно долго.

Но мы не отчаивались. Маша торжественно внесла в комнату огромного надувного клоуна. Ваня посмотрел и кивнул, но даже не подошел к нему.

– Ваня, это подарок! – воскликнула Маша.

– Это не мое, – сказал Ваня, с завистью, похоже, глядя на клоуна, которого Маша держала за руку.

– Да как же не твое? – в отчаянии сказала Ванина мама.

– Это Машин.

– Ваня, – рассердилась Маша. – Это клоун к тебе пришел!

– Это не мое, – твердо сказал Ваня. – Это Машин. Все. Я понял, что никому не удастся переубедить его.

Зря Маша вошла в комнату за руку с клоуном. Ничего нельзя было теперь исправить.

Ну вот и железную дорогу я ему наконец подарил. Увы, мои худшие подозрения подтвердились. Он вяло смотрел на рельсы. Потом встал и попытался раздавить один из вагон-

чиков. Молодец, он очень ловко это сделал. У него получилось с первого раза. Он даже ножку не поранил. Ведь он был в ботиночках.

Потом они с Машей забрались в пододеяльник. Потом Ваня начал плакать. Я вытащил их из пододеяльника и спросил, что происходит.

– Я выгоняю его на работу, а он не хочет! Ваня, ты опаздываешь! Праздник у тебя будет вечером! Будем есть торт!

– Не хочу! – орал Ваня.

– Ну что ты его гонишь на работу? – устало спросил я. На самом деле гнать надо было меня.

– Папа, да не бойся, у нас детская работа, – сказала Маша. – Он даже не устанет.

Я ушел на работу и до вечера думал, что должен ведь что-то сделать. Только вечером я понял, что именно. Хотя мог бы сообразить и сразу. Я купил пятьдесят чуп и подарил Ване. Мне казалось, это как раз и было очень-очень много. Ваня был абсолютно, запредельно счастлив.

В этот вечер с ним можно было обо всем договориться. Так, Маша попросила задуть одну из двух свечей. Сначала он, конечно, протестовал. Я его понимал: и так-то мало. Но потом она сделала ему хорошее предложение:

– Ваня, сейчас ты даешь мне задуть одну свечку. Скоро у меня тоже будет день рождения. И я тебе тоже дам задуть одну свечку.

Он согласился.

Она-то хорошо знала, что у нее будет четыре свечки.

«Спасибо, я постою»

Будучи в отъезде, я позвонил своей жене и спросил, что они делают. Я имел в виду ее и детей.

Алена ответила, что они смотрят мультик «Ну, погоди!».

– Послушай, надоело ведь, наверное, тебе этот мультик смотреть? – сочувственно спросил я. – Представляю себе. Смертельно же надоело.

– Да нет, – говорит она. – Я эту серию дня три уже не видела.

Вот так и впадают в детство. Так в нем и оказываются. Можно вернуться в детство, вот в чем все дело. Нет ничего невозможного.

Конечно, для этого придется постараться. Нужно получить образование психолога и поработать некоторое время по специальности, чтобы попытаться понять, в чем смысл происходящего с тобой. Надо родить двоих детей и воспитывать их как своих собственных, то есть без няни.

Все это невероятно тяжело, но оно, кажется, того стоит.

Ведь в результате вы и сами становитесь ребенком.

Новый мир открывается вам, и дальше все просто. Вы идете в магазин и выбираете санки. Вы до бесконечности спорите со своим ребенком, который хочет получить желтые санки.

Если бы вы были настоящим взрослым, вы бы просто купили деревянные, двухместные, да и все. Просто так надо, так удобнее для вас, вот и все. Но теперь, когда вы оказались в детстве, все совсем не так просто.

Аргументов у вас на самом деле нет. Вы только повторяете, как заклинание, что желтые же одноместные. И это может продолжаться, не поверите, не один час. Но и для вас, и для Маши он пролетит незаметно. Потому что вам очень, больше жизни, нравятся деревянные, а не пластиковые, хотя у них действительно есть один большой плюс: они же желтые.

– Ну и что, что одноместные, мама? – терпеливо переспрашивает Маша.

– Да ведь Ваня в них не сядет.

– Почему, мама? Вот же место.

– Оно же одно.

– Ну вот он и сядет.

– Но тогда ты не сядешь.

– Спасибо, я постою.

Маша вздыхает, и ты уже практически уверена, что победила в этой неравной схватке, в которой на стороне Маши – ее знаменитая логика и жажда получить желтые санки, а на твоей – понимание, что все равно придется договориться. Но главное – тебе очень хочется тоже покататься на санках. Тебе еще кажется, что ты можешь сделать это только в обнимку с дочерью или с сыном, потому что иначе тебе будет как-то неловко по отношению к твоим детям, которые столько времени мечтали покататься на санках, да и взрослые, которых хватает вокруг, не поймут. Но ты очень-очень хочешь покататься на санках.

Короче говоря, тебе нужны двухместные санки. Но ты должна убедить в этом дочь.

А Маша очень хорошо знает, что двухлетний Ваня один в санки не сядет, потому что боится.

– Мама, – спрашивает Маша, – а зачем Ване санки? У него же ледянка есть.

У него и в самом деле есть ледянка, и он неплохо съезжает на этом пластиковом блине с горы.

– Маша, но ведь ты в любой момент скажешь, что ледянка твоя.

– Моя, – уверенно соглашается Маша.

– Конечно. Ты же помнишь, что мы ее тебе покупали. И ты в любой момент потребуешь ее обратно. Поэтому давай лучше купим деревянные санки.

– Ну ничего, – говорит Маша, – я отдам Ване ледянку. Я же ему много своих вещей отдаю.

И в самом деле, она отдает, когда они становятся ей малы. Ведь она все-таки почти на два года старше.

Церемония передачи вещей очень яркая и всякий раз, мне кажется, должна запоминаться ее участникам на всю жизнь. Как-нибудь надо рассказать об этом.

– Маша, – наконец не выдерживает мама. – Хорошо, давай купим двое санок. Одни тебе, другие мне.

Маша быстро соглашается.

То есть Алена неожиданно для себя все-таки проговаривается. Она признается, что ей нужны санки. Ну и что страшного случилось? Мир перевернулся? Да нет, наоборот, встал на свое место. Все сразу упростилось.

– Мама, но ведь и Ване тогда тоже нужны санки, – говорит Маша. – Вон те, синие. А то он не поймет.

А обо мне кто-нибудь в этой истории подумал?

«Точно не знаю, но он принц»

– Маша, – спросил я, – какое платье ты наденешь на Новый год?

– Умрешь, безумный отец! – крикнула она, бросившись ко мне с длинным узким надувным шаром (в виде сабли, что ли) наперевес.

Я едва увернулся от ее могучего удара, и он достался Ване, который даже не пошатнулся, а просто сразу упал, но даже не заплакал.

Маша разговаривала со мной этой фразой все утро и весь день, но первый раз так наглядно проиллюстрировала свою мысль.

– Бледно-голубое платье я надену, – вздохнув, сказала она. – Буду вызывать сочувствие.

В своем платье она, впрочем, вызывала, кажется, не сочувствие, а зависть. По крайней мере, дамы, лишённые возможности обсуждать вслух наряды друг друга, всю свою энергию направили на Машино платье. Суть разговоров была проста: ни у кого из них не было в детстве такого платья. У них были другие, по крайней мере не хуже.

Новый год Маша встретила на Красной площади. На площади было много людей. Она сидела в баре, который окнами выходит на Мавзолей, смотрела на живых людей, быстро заполняющих Красную площадь, и наслаждалась жизнью. То есть она ела малину. Она брала ее с большой тарелки аккуратно, по одной ягодке, но зато делала это совершенно без остановки. Хорошо, что малину не надо было жевать. Она же таяла во рту.

За пять минут до Нового года мы вышли на улицу – и оказались на Красной площади. Это все равно была неожиданность для меня. Милиционер попросил отойти к углу ГУМа.

– Смотрите, что у вас под ногами, – сказал он.

Под ногами лежали пакеты, соединенные проводами. Это были фейерверки. Они должны были взорваться через пару минут, как только куранты пробьют двенадцать. Мы с Машей побежали.

Добежав до угла (я все-таки не разлил бокал с шампанским), мы обнаружили, что Новый год уже наступил. Люди на площади счастливо обливались шампанским и пивом. То есть веселье их было безграничным. А тут еще заработали наши фейерверки. Рев восторга потряс Красную площадь. Маша заплакала.

– Не плачь, дочка, – крикнул я ей и взял ее на руки, – это же Новый год! Или ты не видела фейерверков?

– Видела, – обиженно возразила Маша. – Свеча взрывается, получается фейерверк. Почему они так кричат?

– Радуются. Ты тоже кричишь, когда радуешься.

Я и не рассчитывал на тот эффект, который вызвали мои слова. Маша тоже закричала, и так, что толпа вокруг нас как-то быстро поредела.

Мы вернулись к себе в бар. Там было тепло, там была малина и танцы. Маша плясала с известным московским танцором и тоже просто на глазах становилась известна.

Потом какой-то мальчик подошел к ней и стал кормить ее мандаринами. Он чистил мандарин и клал ей в рот дольки. Она послушно ела. Я не знаю, сколько это могло бы продолжаться. Я сказал ему, чтобы он прекратил уже. Он ответил по-французски. Я подумал, что мальчик хочет унижить меня знанием этого языка, но оказалось, что мы имеем дело с французским мальчиком.

Маша поняла это гораздо раньше меня. Она поняла, что с ним и не нужно ни о чем разговаривать. Можно просто есть мандарины. А можно бегать сначала от него, потом за ним.

На свой страх и риск рассказав стихотворение про какого-то шалуна, она выиграла в новогоднюю лотерею модный дамский набор с шарфиком и косметичкой.

Потом она подошла ко мне и тихо спросила:

– Папа, что там?

И она подвела меня к огромному окну с видом все на ту же Красную площадь. Две цепи солдат зачищали ее от посторонних, то есть от празднующих Новый год людей. Было начало второго ночи. Люди по понятным причинам не хотели уходить, и их методично вытесняли с площади. Три женщины вырвались из оцепления и побежали как свободные гражданки свободной страны в сторону Исторического музея. На лицах их были такие счастливые улыбки, что мне стало завидно. Зависть прошла, когда я увидел, как за ними бросились сразу пятеро солдат.

Я так и не смог объяснить Маше, что произошло. Я и сам ничего не понял.

У нас в баре танцы перешли в решающую стадию. Через час я, посадив Машу на шею, загнал наконец французского мальчика в туалет.

– Папа, как ты думаешь, они все поняли, что я принцесса? – озабоченно спросила Маша, когда мы вернулись домой.

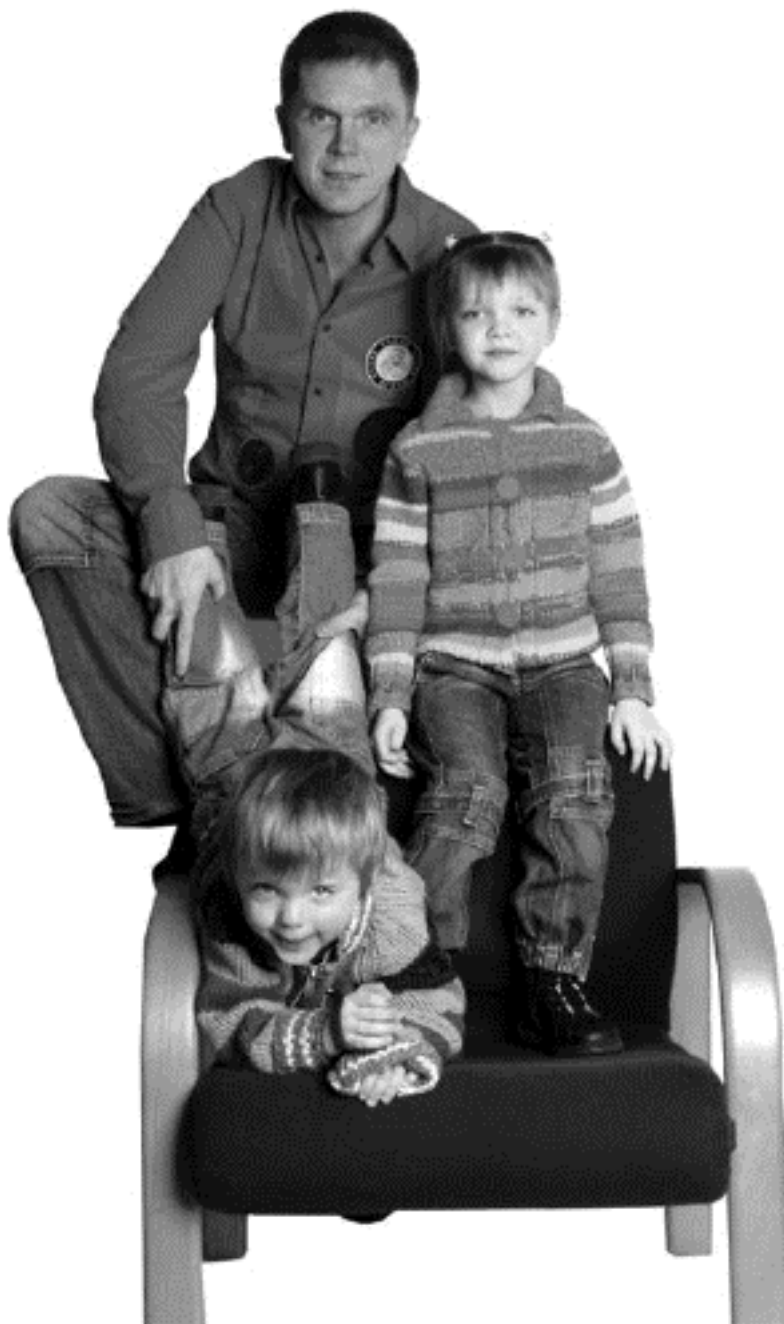
– Не все, – честно сказал я ей. – Но многие поняли.

– А мне и не надо, чтобы все, – сказала Маша. – Мне надо, чтобы только один понял.

– Кто? – переспросил я, еще не понимая, к чему она клонит. – Этот французский мальчик, который кормил тебя мандаринами?

– Ну... Нет. Я точно не знаю, кто, – вздохнула она. – Но он принц.

2005. Они мне кажутся уже такими большими

В этой главе уже в свой полный рост (потому что научился ходить) появился Ваня. Более того, он научился говорить, и вот они перебивают друг друга – в том числе и в пространстве этих историй. Они говорят даже слишком много – и только я не перебиваю их, а слушаю. Недавно меня спросили, придумываю я за них что-нибудь или нет. Мне было обидно услышать даже предположение такое. Потому что я-то знаю, как это происходит. Я никогда ничего за них не выдумую. Во-первых, потому, что это было бы все равно хуже, чем если они все выдумают сами. Во-вторых, я не стану этого делать хотя бы из инстинкта самосохранения, вернее, из-за опасности разоблачения. Выдумывать какие-то фразы или

поступки за своих детей – это огромный и не стоящий того риск: в твоих словах проскочит обязательно фальшь, и сразу будет понятно, что ты соврал, что дети так не говорят. Во всяком случае, я стараюсь буквально следовать каждому их слову, взгляду и вздоху именно потому, что думаю: если я уклонюсь от них, то буду выглядеть смешно.

И поэтому я спокоен на этот счет. Хотя я сам иногда вздрагиваю от того, какими взрослыми они вдруг кажутся мне самому, когда что-нибудь возьмут да скажут... Но они такие, и они так говорят. И с этим надо считаться. Я считаюсь.

«Я тебя, по-моему, не рожала»

Мы пошли с Ваней и Машей в гости к нашим знакомым. Сергей Мейтув – модный художник. Его картины являются сложным сплавом железа с оловом и усыпаны требухой каких-то адских машин с городских свалок. А его жена Наргиз, наоборот, играет на рояле. Так и живут.

Маша с Ваней, войдя в квартиру, с головой ушли в творческую лабораторию художника, то есть начали кидаться пружинами старых часов, осколками блюдец и мотками медной проволоки. Целая комната в этой квартире была отдана под склад этих так называемых вещей. И детей сюда пускать вообще-то было безумием для хозяев.

Через каких-нибудь пятнадцать минут дети, впрочем, согласились выйти. У Наргиз обнаружился феноменальный дар убеждать маленьких детей делать то, что нужно взрослым. Впрочем, открылся он, похоже, слишком поздно. Когда я зашел в эту комнату, все было кончено. Ужас был в том, что все эти безделушки изначально были разложены по полочкам и лоточкам, то есть хранились в идеальном порядке.

Вечер, впрочем, прошел в теплой и дружественной обстановке. Дети примерно слушали классическую музыку. Меня это вообще-то насторожило. Это было неспроста. Что-то они, кажется, успели натворить.

Мы уже вышли из квартиры, когда я понял, что забыл ключи от машины. Я похолодел. Запасные ключи я потерял еще раньше.

Ключи могли остаться, конечно, где угодно. Но у меня с самого начала возникла уверенность, что они теперь валяются где-то в той комнате, в которой у нормального художника хранятся кисти и краски.

Следующие четыре часа мы все искали ключи. Я ведь знал, что они где-то здесь, в доме.

Маша и Ваня принимали активное участие в поисках. Они даже не ожидали такого подарка. И они тоже, судя по всему, предполагали, что ключи где-то в комнате-складе. И с каждой минутой этих поисков надежды найти там хоть что-то когда-нибудь еще таяли катастрофически.

А я с ужасом осознавал, что ключи, конечно, могут быть только в этой комнате, и больше нигде. Было так логично выкинуть их на эту свалку. Им там было самое место. Им там было легче всего затеряться среди других таких же ключей и погнутых вилок.

Я постоянно спрашивал детей, куда они дели ключи. Ведь это они их куда-то дели. Ваня вообще-то очень интересуется этими ключами. Он помешан на автомобилях. Как только у него появляется свободное время, он его посвящает этим ключам. Но у себя в квартире мы знаем три места, где он их хранит. Может рухнуть мир, но и после этого ключи окажутся в одном из этих трех мест.

– Маша! – по-хорошему обращался я дочери. – Где ключи от нашей машины?

– Знаешь, папа, – так же по-хорошему отвечала она, – мне сейчас некогда с тобой разговаривать. Я ключи ищу.

– Ваня! – спрашивал я. – Ты ключи брал?

– От машины? – переспрашивал он.

Ведь это уже довольно разговорчивый мальчик для своих двух лет.

– Ну конечно!

– Да! – со счастливой улыбкой кивал он.

– А куда ты их положил, помнишь? Мальчик мрачнел и уходил в себя.

– Маша, – униженно стонал я в половине третьего ночи, – помоги мне!

– Хорошо, – соглашалась она. – Давай тогда сначала поиграем.

И она требовала, чтобы я играл с ней в папу и маму. В обычной жизни я ни за что не соглашался стать мальчиком, ее маленьким сыночком. Я слишком хорошо понимал, что буду мальчиком для битья. И вот она наконец добилась своего. Да, я согласился. Я надеялся, что она, может, все-таки что-то вспомнит. Больше мне не на что было надеяться.

– Так, – говорила она, – сынка, хочешь чупу?

– Хочу, – вздыхал я.

– Ну так иди купи.

– У меня денег нет, – немного оживлялся я.

– А ты у папани возьми. Я у папани беру, когда мне чупа нужна.

Так я по крайней мере узнавал, как они меня называют между собой. Ничего, кстати, терпимо.

– Возьмешь у папани? – переспрашивала она.

Я кивал и даже начинал, к ее удовольствию, рыться в своем бумажнике.

– Мама, – неуверенно говорил я, надеясь, что уже усыпил ее бдительность, – а ты не помнишь, куда ты дела ключи от нашей машины?

– Мама? – с внезапным недоумением переспрашивала Маша. – Нет, я тебя, по-моему, не рожала.

Она была полностью удовлетворена. И это был весь наш разговор.

В результате я решил, конечно, бросить все же машину и ехать на такси.

– А вдруг за рояль завалились? – спросила на прощанье Наргиз. – У меня так часто было, в моем детстве.

– Ты сравнила детства! – засмеялся ее муж. – У тебя в детстве разве была такая комната, как моя мастерская? Тебе бы в голову не пришло нигде больше прятать ключи.

Она согласилась. Я предложил все-таки отодвинуть рояль от стены. Мы отодвинули и увидели на полу ключи. Я вскрикнул. Это была истерика.

Кто бы мог подумать, что у этой задачи с самого начала было такое классическое решение.

«Это же рога!»

Мы поехали в гости к нашим друзьям. У Маши есть подружка по имени Василиса (Вася). Маша и Вася давно хотели встретиться, но все как-то не было свободного времени, что ли. По дороге я по просьбе Васиного папы Степана купил два десятка яиц. На этих яйцах в красивой обертке с загадочной начинкой (называются, как известно, киндер-сюрпризы) очень хорошо гадать. Складываешь яйца в мешок, потом достаешь, по вложенной бумажке собираешь начинку – и вот оно, твое будущее, на ладони.

Когда я покупал яйца, Маша очень удивилась. Она даже не обрадовалась такому счастью. Можно сказать, у нее не было никаких сил радоваться – так она испугалась.

– Папа, ты можешь ехать быстрее? – нервно спросила она, как только мы отъехали от магазина.

– Да что такое? – нервно спросил уже и я.

– Ты же забрал у них все яйца! – сказала Маша.

– Они же сами отдали, – попробовал я ее успокоить.

– Ну и что? Сейчас приедут другие родители с детьми, попросят яйца, а им скажут, что мы все увезли.

– Ну и что?

– Что-что! Догнать могут! Быстрее, папа!

В результате я, весь на нервах, проехал на «красный».

От возможной погони мы, таким образом, оторвались. Маша успокоилась.

Нас с нетерпением ждали. Стали доставать из мешка киндер-сюрпризы. Я достал и собрал по кусочкам интересный во всех отношениях дом, сделанный в стиле хай-тэк из огромной пивной бочки. Это меня совершенно устроило. Вике, маме Васи, достался зеленый двор с деревьями и холмом. Моей жене – автомобиль «Смарт», выполненный почти в натуральную величину. Она очень обрадовалась. Наверное, ей казалось, что автомобиль в натуральную величину у нее теперь тоже в кармане.

Вася в гадании участия не принимала, потому что некрещеная (ее мама объяснила, что некрещеным нельзя), а Маша вытащила короля с короной и скипетром, успокоилась и с облегчением пошла с Васей смотреть «Шрека-2».

Степан вытащил яйцо, в котором был пенек с рогами. Он с недоумением крутил в руках этот пенек. Он молчал. Вика попробовала сказать ему, что это же не рога, а цветы такие с длинным стеблем. Степан криво усмехнулся.

– Да нет, это рога, – каким-то надтреснутым голосом сказал он.

– Ой, да ну, какие такие рога, – засуетилась Вика, – никакие не рога, а если не веришь, давай у детей спросим.

Вася отказалась отвечать, потому что была поглощена мультфильмом. Маша тоже отказалась, но я стал настаивать:

– Маша, посмотри, какой цветочек...

– Ой, папа, ну это же рога, – отмахнулась наконец от меня Маша, мельком взглянув на пенек.

Степан за весь вечер так и не сказал больше ни слова. Я не думал, что эта история произведет на него такое гнетущее впечатление. Вечер оказался, можно сказать, испорчен. Время от времени он вставал с дивана и начинал бесцельно слоняться по квартире. Потом сказал, что проводит нас.

Уже у машины он тихо спросил меня, как бы я отнесся к тому, что мне выпал пенек с рогами. Я вздохнул.

– Вот видишь, – угрюмо сказал он.

Через неделю он позвонил и сказал, что нам надо встретиться. Мы увиделись в маленьком кафе. Он мрачно произнес, что у той истории с гаданием было продолжение.

– Понимаешь, я пришел домой и сказал ей, что надо еще раз погадать, – сказал он.

– Зачем? – поразился я.

– Не понимаешь, что ли? В первый раз мы неправильно погадали.

– Дальше.

– Она долго не соглашалась. Потом поняла, что отказываться нельзя, что это уже будет равносильно откровенной лжи, а ведь и так уже отношения дали трещину, для меня это было очевидно... В общем, она согласилась.

– Ну?!

– Шлем такой мне выпал, с булавой.

– Что за шлем?

– С большими кривыми рогами.

Имена всех действующих лиц этой истории изменены по их просьбе.

«Бабушка козлика очень любила»

Теперь уже нельзя установить, конечно, кто именно и где сказал Маше, что в мире есть журнал Barbie. Может, в детском саду, может, на английском или на танцах. Это было бы логично. Да, скорее всего, на танцах это и случилось.

Когда она мне сказала, что есть такой журнал, я сначала не очень поверил. Мне трудно было поверить, что выходит такой журнал и дети могут им пользоваться. То есть я могу, конечно, допустить существование вообще какого угодно журнала, но психологически мне трудно поверить, что он есть, потому что, когда я был четырехлетним мальчиком, таких журналов у меня и у моих многочисленных подружек не было.

Но он есть. Когда мы ехали с Машей в кино на «Алешу Поповича и Тугарина», она попросила остановить машину у киоска «Роспечати». Мимо него девочке и правда трудно проехать, если эта девочка целое утро думает только о том, что она должна купить журнал Barbie. Все стеклянные витрины киоска были выложены обложками глянцевого журнала. Маша выбежала из машины и подбежала к киоску.

– У вас есть журнал Barbie? – спросила она у продавщицы.

– Конечно, – ответила она. – Вам какой номер, последний?

– А какие у вас есть?

– У нас есть еще предпоследний. Да надо поискать... У нас много.

Продавщица смотрела на девочку с надеждой.

– Нет, мне только вот этот, – сказала Маша.

Она купила последний номер. На обложке я увидел Барби с белыми распущенными волосами, в зеленом пальто с бежевым меховым воротником, в вельветовых джинсах на бедрах и в розовой вязаной курточке. Я замер:

– Маша, это же...

– Да, папа, я знаю, – спокойно сказала она.

На самом деле она, конечно, торжествовала. Два дня назад ее кумир, двенадцатилетний мальчик Артем, подарил ей эту платиновую блондинку. Маша не расставалась с ней вообще ни на миг. Я был уверен, что и теперь блондинка сидит где-то в машине, на заднем сиденье, и ждет Машу.

И вот она оказалась лицом месяца в модном детском журнале. С ней в журнале было связано много историй. На нескольких полосах был размещен комикс. Там блондинка с подружкой и дочкой, крошечной Барби Келли, ждала в гости Кена и Кристи. Они опаздывали, потому что им пришлось ехать в объезд из-за ремонта дороги. «Но они же собирались прийти еще в первой половине дня!» – огорчалась блондинка. «Странно. Это на них так не похоже», – пожимала плечами ее подружка. «А ты звонила им по мобильнику?» – «Нет, нука, попробую... Абонент не отвечает или временно недоступен». Потом звонила еще одна подружка и тоже сказала, что задерживается: «Райан не хотел отпускать меня. Он устроил такую сцену...»

Новый бескрайний мир, о существовании которого я совершенно не подозревал, открылся мне. Я запоем прочитал весь журнал прямо в машине. Маша, как ни странно, не мешала мне. Я думаю, она понимала, что очень важно подсадить меня на этот журнал. Ну да, я уже с нетерпением ждал следующего номера.

Маша тоже довольно быстро его изучила. Ей потребовалось на это полдня. Потом Ваня, которому надоело, что сестра всю субботу потратила на какие-то глупости, улучил момент, когда она со словами «Еда была просто фантастическая!» пошла помыть руки – так же, как Стейси (сама Маша при этом не держала во рту с обеда ни крошки), – и порвал журнал на мелкие кусочки.

Когда я увидел это, то решил, что Маша может такого вообще не пережить. Я был поражен, когда она презрительно улыбнулась, посмотрев на Ваню, и сказала ему:

– Ну и что? Купишь мне за это журнал «Принцесса».

Так я узнал, что есть еще один мир. Мы купили «Принцессу». Там принц Филипп, еще один Машин кумир, падал вниз головой в колодец, а когда возвращался, волосы у него были зеленого цвета.

На изучение этого журнала у Маши ушел целый день. Когда я вечером подошел к ней, она сидела на диване и что-то шептала, раскрыв свой журнал. Я же знаю, что она еще не умеет читать, ей только на этой неделе исполняется четыре года. Рядом сидел Ваня и внимательно слушал.

– Что ты делаешь, Маша? – осторожно спросил я.

– Папа, ты что, не видишь? Журнал читаю.

– А про что ты читаешь?

– Про любовь, папа, – вздохнула она.

И она снова углубилась в чтение. Я прислушался.

– Жил-был у бабушки серенький козлик, – шептала Маша, глядя в журнал, – бабушка козлика очень любила...

Любовь зла.

«Ты что, убил живую куклу?»

Маше наконец-то исполнилось четыре года. До этого мне несколько раз казалось, что ей уже исполнилось четыре года. Дело не в том, что она производила впечатление такой взрослой девочки. Просто слишком много разговоров было вокруг этого дня рождения. Месяца полтора только подарки покупали.

Это было странно вообще-то. Почему-то три Машиных года не пользовались такой популярностью. Она тогда получила красные, как и хотела, коньки и осталась удовлетворена. Мы тем более. Потом, спустя полгода, эти коньки бесследно пропали. Вместе с ними пропала Машина няня. Я не склонен связывать воедино два этих события. Но я такой один.

В этот раз все было иначе. Наученные горьким опытом, коньки мы покупать вообще не стали. Были куплены умные мальчик и девочка. Они были практически грудные и делали все, как настоящие. Абсолютно, увы, все.

Кроме того, однажды вечером, за пару ночей до дня рождения, я, внезапно расчувствовавшись, в приступе необъяснимой любви к собственной дочери и из сострадания к тому, что ее ждет в праздник (сам я день своего рождения праздновать не люблю и ритуального внимания к себе избегаю, поэтому был убежден, что очень хорошо понимаю и ее чувства по этому поводу), спросил, что она хочет получить в подарок из того, о чем еще не говорила никому на свете.

– Платьице, папа, – вздохнув, сказала Маша. – Беленькое.

Я был очень растроган. Она ведь сказала даже не «платье», а «платьице». Ну мог ли я не купить ей после этого платьице?

Как выяснилось, мог. Я не купил ей никакого платьица. Я просто забыл об этом. Признаться в этом стыдно, но необходимо. Говорят, после покаяния сразу становится легче. Нет, не стало.

Но ночью в канун дня рождения я все-таки с ужасом вспомнил, что не купил ей платьице. Я поговорил об этом с Аленой. Разговор был тяжелым. Но под конец выяснилось, что выход все-таки, кажется, есть. Она купила Маше на всякий случай роскошную ночную рубашку. Если бы у меня в детстве была такая ночная рубашка, я бы и горя не знал.

И вот утром Маша получила в подарок мальчика и девочку и кроватку с коляской для них. Дальнейшее живо напомнило мне события двух– и четырехлетней давности, когда последовательно родились Маша и Ваня. Как только мы активировали младенцев, они начали плакать. Мы не могли их успокоить. Плакали они очень натурально, навзрыд. У меня рвалось сердце, и я выключил обоих. Маша страшно расстроилась.

– Папа, это были живые куклы. Ты что, убил их? – спросила она.

– Почему сразу убил? – обиделся я. – Просто заставил замолчать.

– Они живые, – повторила она. – Пусть плачут. Мы их успокоим.

Я нехотя оживил как мальчика, так и девочку, чувствуя себя по крайней мере полубогом. Они сразу начали плакать, сначала тихонько, потом навзрыд. Успокоить их было невозможно. На картинке было показано, как их надо укачивать. Рекомендуемые способы перепробовали все: я, Алена, Маша, Ваня. В квартире по-прежнему стоял душераздирающий ор. К нему постепенно и уверенно присоединились голоса Маши и Вани.

– Соски тут прилагаются, – задумчиво сказала Алена, опытная мать. – Может, попробуем?

Мы засунули им во рты соски, и младенцы сначала засмеялись от удовольствия, а потом зачмокали. Потом они начали шумно и ровно дышать – во сне! Мы не верили своему счастью. Маша и Ваня ходили вокруг них на цыпочках и, видя нас, прикладывали к губам пальцы. Но мы не хуже них знали цену этой тишине и помалкивали.

Потом Маша тихонько, на ухо, чтобы не разбудить своих детей, спросила:

– Папа, ты купил мне платье?

– Да, – сказал я. – Я купил тебе ночное платье.

– Ночное платье? – не поверила она.

– А ты примерь, – предложил ей я. Роскошно. Получилось!

– Мама, – закричала Маша, – у меня есть платье, в котором можно ходить ночью!

– Маша, – сказала ей мама, – ночью надо спать.

– Папа, а спать в ночном платье можно?

– Можно, – сказал я. – Это же ночное платье. Раз ночью спят, то в нем и надо спать.

С точки зрения формальной логики я ходил по лезвию бритвы.

– Папа, никогда не было у меня платья, в котором можно спать, – счастливо сказала Маша.

Перед лицом своих читателей торжественно обещаю: я больше так не буду.

«Зеленый человек ждет меня»

Один раз Маша и Ваня уже ходили со мной в кино. Мы смотрели «Алешу Поповича и Тугарина Змея». Это был дневной воскресный сеанс в шестизальном кинотеатре. В четырех залах шли американские кинокартины. В пятом показывали отечественный боевик. Мы купили билеты в шестой зал, на «Алешу Поповича». Зал был практически полон. Детей в зале, кроме своих, я не заметил.

Маша и Ваня вышли из зала ошарашенные. Киноэкран подавил своим величием (или величиной). Они, по моей привычке, сидели в первом ряду. Посаженный в клетку страдалец Тугарин до сих пор как живой стоит у них перед глазами. Они потребовали, чтобы я купил им этот мультфильм. Они хотели каждый день видеть торжество справедливости.

Поэтому, когда в конце прошлой недели Маше позвонила ее подружка Алиса и пригласила ее и нас в кино на мультфильм «Винни Пух и Слонотоп», я обрадовался. Маша, правда, была шокирована:

– Мне же совершенно нечего надеть! – опешив, сказала она.

Глаза ее были полны искреннего ужаса. Могу поклясться, что она услышала эту фразу не от мамы (у ее мамы нет повода произнести такое, как бы она ни изобретала его на каждом шагу) и не от няни (которая отчего-то уверена, что ей есть что надеть, и в доказательствах со стороны не нуждается). Она изобрела эту фразу самостоятельно. Ей подсказала ее жизнь.

Бледно-голубое бальное платье было отмечено с первой попытки (ее мамой). Следующей жертвой маминого вкуса пали лаковые туфельки на каблучках. Дома остался и грудной ребенок, подаренный на день рождения. Его забраковал я. Мы убедили Машу, что после ее утренних ласк он нуждается в длительном дневном отдыхе, желательном здоровом сне. В результате мы остановились на довольно легкомысленном свитере, клетчатых фиолетовых брючках и весеннем малиновом пальто. Ваня надел то, что нашел на полу.

Я был уверен, что мы наносим безошибочный удар. В кинотеатре им не могло не понравиться. Дети сидели в креслах, со всех сторон обложенные соленым попкорном, и упивались рекламой и кока-колой. За весь мультфильм они не проронили ни слова. Только Алиса однажды громко вскрикнула (и правильно сделала) – когда кенгуренок Ру наконец-то поймал слоненка.

Когда сеанс закончился, Маша вышла из кинозала и медленно пошла к выходу. У дверей к ней подошел мохнатый зеленый человечек и сказал, что приглашает ее в Стар Гэлакси. Маша не поняла, что это такое. Но вид человечка произвел на нее сильное впечатление.

– Вы лично меня приглашаете? – уточнила она.

– Я жду вас у себя в Стар Гэлакси! – визгливо крикнул он (а подозреваю, что на самом деле она) и, помахав перед Машиным носом билетом, отдал билет ей. Больше билета он никому не дал и буквально растворился в кинозальной полутьме. – Тебе, Маша, что больше всего понравилось в мультфильме? – спросил я.

– Волосики у слоненка, – рассеянно ответила она. Волосики у слоненка были розовые. Мне они тоже в принципе понравились.

Потом дети отдались игральным автоматам, но без страсти. Путешествия на кораблике по реке с препятствиями вообще не вызвали у них энтузиазма. Оживились они только при виде пистолетов, из которых следовало убивать монстров. Один из этих монстров напомнил Маше освободившегося из клетки Тугарина и был расстрелян в упор при попытке к бегству.

Потом она сказала:

– Ну ладно, мне пора.

– Что такое? – удивился я.

– Меня ждет Стар Гэлакси, – сказала она. – Вы едете домой, а я пойду к нему.

– Кто ждет? – переспросил я.

Я за всей этой стрельбой уже забыл про это странное существо у дверей кинозала.

– Зеленый человечек, – терпеливо повторила Маша, – ждет меня.

– Маша, а как же Ваня, Алиса, мы?

– Он же вам не дал билета, – пожала она плечами. – Без билета нельзя.

– Билетов у нас нет, и мы едем домой. У тебя билет есть, но ты тоже едешь домой.

Потому что если ты пойдешь туда одна, Ваня этого не переживет. И ты это знаешь.

У нее был выбор. Она могла отдать свой билет Ване. Но она кивнула. У меня тоже был выбор. Я мог пойти с ними к зеленому человечку и попытаться на месте договориться – чего бы, как говорится, это ни стоило. Но я тоже кивнул, и мы все поехали домой. Маша молчала. По щекам ее текли слезы.

Я вернусь туда, найду его и убью. За то, что этот гад дал только один билет. Я уверен, он прекрасно видел и Ваню, и Алису. Но он не дал им билета.

«Вы научите меня плавать под водой?»

Дети долго и с поразительным упорством доказывали мне, что им нужны два мотоцикла, а не один (хотел написать «с упорством, достойным лучшего применения», но раздумал; вряд ли их упорству можно было бы найти лучшее применение). Речь шла о двух больших мотоциклах на аккумуляторах. Их соседи во дворе, которые на год и на два старше Маши, уже выволокли из чуланов свои мотоциклы и открыли весенний сезон впечатляющим байк-шоу. Из них, я убежден, вырастут настоящие «ночные волки». Я не уверен, что из моих детей тоже должны вырасти «ночные волки». Я рассчитывал, что мы купим один мотоцикл на двоих, они его демонстративно быстро сломают (гораздо быстрее, чем они сломали бы два мотоцикла), и мы с облегчением перейдем к следующему пункту нашей программы дошкольного воспитания. (Я даже, кажется, убедил их и самого себя тоже, что мотоцикл будет один. Я мог гордиться собой: ведь никаких аргументов у меня не было.) Так, возможно, Маша научится плавать.

Два дня назад она уже была в бассейне. Она очень хочет научиться плавать под водой. Именно так она сформулировала девушке-инструктору задачу, которая теперь стоит перед этой девушкой.

– Вы научите меня плавать под водой? – спросила Маша.

– Научу, – сказала девушка и неуверенно посмотрела на меня.

Это было все-таки не совсем то, о чем мы с ней договаривались. Я просил научить плавать Машу, так сказать, на воде.

– Это легко, – успокоила Маша девушку, очевидно, заметив ее взгляд. – Я не буду дышать.

– Зачем тебе плавать под водой? – спросила инструктор. – Я такое первый раз слышу от девочки. Даже мальчики об этом не просят. Дети вообще не хотят учиться плавать.

– Под водой? – переспросила Маша. – А тогда брызги не будут попадать в глаза. Я брызги очень не люблю.

Девушка снова посмотрела на меня, теперь уже озадаченно, а потом засмеялась. Может, она решила, что это была шутка.

И Маша больше часа старалась делать все, что ей говорила эта девушка-тренер. После занятия инструктор выглядела удивленной. Она сказала, что Маша и правда очень хочет научиться плавать.

– Зачем ей это, вы не знаете?

Я пожал плечами. Я не стал говорить. Вообще-то это было не ее дело. Но я знал. Хотя это было и не мое дело. Прошлым летом, когда Маша отдыхала на море, один итальянский парень по имени Паоло произвел на мою дочь очень сильное впечатление. Ему было лет двадцать пять на вид (потом оказалось – двадцать), ей три с половиной (а на вид – не меньше четырех). Ничего личного. К концу отдыха, длившегося месяц, она просто сказала, что решила выйти за него замуж. Он умел плавать. А она не умела. Однажды он захотел научить ее. Она расплакалась и больше вообще не заходила в море. Хорошо, что это случилось за день до отъезда.

Вот поэтому она и хотела научиться плавать, к тому же под водой. Этот парень, Паоло, только под водой и плавал. Так что вся эта история была ясна для меня как день.

На плавании, а не мотоциклетных гонках моей дочери и следовало сосредоточиться. Я даже ничего не имел против этого парня. Мы снова туда поедem. Он там кем-то работает, уже не помню кем.

В общем, я очень сильно отвлекся (но не жалею об этом). Даже уже не хочется рассказывать про мотоциклы. Все равно уже понятно, что мы купили два мотоцикла, а не один. У

Маши мотоцикл розовый, на нем написано «princess», а у Вани красный, на нем написано «police». И я не понимаю, как можно было умудриться затащить в кровать этого монстра, этот квадроцикл с чудовищного размера колесами, каждое из которых ростом с самого Ваню, и так счастливо проспать всю ночь в крохотной щели между этими колесами и стенкой, с рулем на голове.

Жаль, конечно, что я этого не понимаю. Я в принципе отдаю себе в этом отчет.

«Мы победили Человека-паука!»

Времени на общение с детьми мало. Поэтому приходится использовать его максимально эффективно. Я прихожу с работы и, пока они не заснули, поскорей надеваю красный свитер с капюшоном. У этого свитера есть одна особенность: «молния» застегивает его весь, снизу доверху, включая капюшон.

Я выхожу из гардеробной в ярко-красном свитере, с капюшоном вместо головы, и уже не спеша захожу в детскую. Чем бы ни занимались дети в этот момент, моментально начинается страшный, чудовищный, ни с чем не сравнимый визг. Так дети могут визжать только от настоящего ужаса, увидев Человека-паука. Мне сразу становится и самому страшно – за них, и я выхожу из комнаты.

Дело в том, что они нисколько не притворяются. Чаще всего, когда я их чем-нибудь пугаю, они делают вид, что и правда испуганы, но при этом еще и хохочут. Но тут им на самом деле смертельно страшно, и все тут. Они орут как резаные.

Зачем же я это делаю? Как зачем? Потому что им это нужнее, чем мне. Ведь это они кричат через секунду:

– Человек-паук! Он убежал! Мы победили его! Он больше никогда не придет!

Приходится возвращаться. Стены в доме вроде толстые, но мне все-таки жаль наших соседей.

Человек-паук является главным ужасом жизни наших детей. Это их самый долгожданный ужас. Если бы его не было, жизнь их была бы, боюсь, лишена смысла. А смысл в том, чтобы пережить Ужас и испытать от этого недетское Счастье.

Какой-нибудь психотерапевт сказал бы, что я не имею права на такие эксперименты и что это страшная психотравма для детей. Но психотерапевт сидит на полу в этой же комнате, прижавшись к стене, и визжит вместе с детьми. Это моя жена. Ее высшее психологическое образование подсказывает ей, что в жизни должно быть место ужасу.

Однажды мне все-таки стало их жалко. Сняв свитер, в приливе нежности я сказал им, что они переволновались, проголодались и мы сейчас, несмотря на позднее время, поедем ужинать в ресторан.

Не исключаю, что это я сам просто был голоден. К тому же на следующее утро я на несколько дней уезжал в командировку и, видимо, хотел побыть с ними лишних пару часов.

– А Человек-паук ушел? – недоверчиво переспросили дети.

– Ушел, – подтвердил я, выйдя из их комнаты и на всякий случай осмотревшись по сторонам.

Мы приехали в ресторан и расселись за столом. Я предложил показать всем, что мы на самом деле культурные, и вообще не вставать с места. Ваня кивнул и сразу начал вести себя культурно. Он спросил, где официант.

Когда мы сделали заказ и официант ушел, мы поговорили про человека-паука.

– Папа, – сказала Маша, – широко открыв свои и без того огромные глаза, – мы знаем, где он живет!

– Где?!

– В гардеробной!!!

Я спросил, почему они так решили. Оказалось, они увидели там красный свитер с капюшоном.

– Человек-паук сбрасывает там свою одежду! Мы больше никогда туда не зайдем! Никогда!

Эти слова навели меня на некоторые размышления.

– Папа! Почему нет официанта? – снова нетерпеливо спросил мальчик.

Я пожал плечами.

– Мама, давай пока споем, – предложил мальчик. Это был необычный способ скрасить досуг в ожидании официанта.

Они затащили свою любимую, про казака, гуляющего по Дону. Тут же появился испуганный официант. Так что способ рекомендую.

В ресторан мы сходили не зря. Я теперь думаю, что переложу свитер с капюшоном в кабинет. Пусть полежит там какое-то время. И я не стану запира́ть дверь. Во-первых, они все равно находят ключ, куда бы я его ни спрятал. А во-вторых, пусть войдут.

А то я никак не мог добиться от них, чтобы они никогда не заходили в кабинет и не трогали там ничего.

«И не покупай Ване жвачки»

Принято думать, что самое страшное – это когда болеют дети. И это правда.

Особенно когда Маше не могли никак поставить диагноз. У нее воспалились лимфоузлы, это было очень больно. Была высокая температура. Она не могла ходить и весь день была в полудрежном состоянии. Врачи говорили, что у нее, наверное, мононуклеоз, но точный диагноз поставить не могли и утверждали, что им нужна по крайней мере неделя и новые анализы крови.

Маша по-настоящему страдала. Ей, наверное, было очень страшно. С ней ведь раньше никогда ничего такого не случалось. И, что поразительно, она изо всех сил старалась ни на что не жаловаться. Она терпела.

Я ее спрашивал, что у нее болит, но она только вздыхала. Мне казалось, за два дня она повзрослела на два года.

– Попробуй уснуть, Маша, – говорил я.

Она смотрела на меня снисходительно, слишком по-взрослому, и ничего не отвечала. Мне от этого самому становилось страшно.

– То, что болит, не дает мне закрыть глаза, – наконец сказала она.

Она сама не могла даже повернуть голову. Она только вскрикивала, если у нее это получалось произвольно.

В какой-то момент она подозвала меня к себе – плавным взмахом ресниц.

– Папа, – слабым шепотом сказала Маша. – И не покупай Ване жвачки. Он ее глотает. Это прозвучало как завещание.

Нет, это, конечно, слишком. Была в этих словах искренняя забота старшей сестры о младшем брате. Она давала понять, что до сих пор эта ситуация была у нее под контролем, а теперь она ослабла настолько, что сама ничего гарантировать не может, и Ваню теперь убережет только такой радикальный и, по сути, варварский способ решать проблему.

Но было в этой просьбе и предостережение – не покупать Ване жвачку без нее, Маши. Вид Вани, в одиночку жующего (вернее, глотающего) жвачку, безусловно, нервировал ее больное воображение.

Дней через пять после начала болезни она приподнялась с кровати и сказала, что хочет проводить меня до лифта. Она всегда так делает, когда здорова. Я понял, что девочка, кажется, и в самом деле начинает выздоравливать. Кровно заинтересованный в таком поступке, я хотел помочь ей встать, но она категорически отказалась и поднялась сама. Идя к выходу, она шаталась, но снова отказывалась от помощи. Потом она еще минуту стояла у открытой входной двери, пока не приехал лифт. Потом что-то прошептала и из последних сил махнула рукой. Эту картину я не забуду уже никогда.

Вечером я привез ей сразу четыре фильма про Барби. Их дала ей посмотреть ее подруга Алиса. Это был лучший подарок на Пасху. Это было все, что Алиса могла сделать для Маши в такой момент. Она отдала самое дорогое, что у нее было. И то ее родителям пришлось постараться, чтобы убедить ее сделать это. И она, конечно, дала только посмотреть, а не насовсем.

Когда я, торжествуя, внес в Машину комнату эти четыре фильма, она ахнула.

– Мама, посмотри!.. – прошептала девочка.

– Это тебе Алиса передала, – сказал я. – В честь Рождества Христова.

– Спасибо, Алиса, – шепнула Маша.

– Посмотреть дала? – озабоченно спросила меня жена, лежавшая рядом с девочкой. – Ты сказал, что мы обязательно вернем?

Маша перевела взгляд с мамы на меня.

– Папа, ведь Алиса мне это подарила, правда?

Голос ее был практически безразличен. Но в этот момент решалось многое. Я, по крайней мере, отдавал себе в этом отчет.

– Конечно, подарила, – сказал я. – Ты же болеешь. И Пасха. Христос воскрес.

Я использовал все аргументы, которые у меня были. Впрочем, девочка явно готова была поверить мне на слово.

Сначала Маша не знала, будет ли смотреть фильмы. Ей, кажется, снова стало хуже. Потом она все-таки попросила поставить «Барби и дракон». Он ей не понравился. На самом деле она капризничала. Это был очень хороший фильм. Я могу говорить об этом уверенно, потому что сам посмотрел его от начала до конца. Но она сказала, что он злой. Потом я поставил «Барби и Лебединое озеро». Потом «Барби и Щелкунчик». Потом сначала. Потом «Барби и дракон». Потом снова. Потом она выздоровела. Потом я опять поставил эти фильмы.

Так продолжается до сих пор. И будет продолжаться вечно.

И не забыть купить Алисе все эти фильмы и еще один, новый, «Барби и принц и нищенка».

«Уходите, я прикрою»

Началось с того, что моя жена нашла в одном магазине детские пластиковые браслеты от комаров.

– Надо купить их как можно больше, – озабоченно сказала она. – Чтобы хватило на все лето.

– Что за браслеты от комаров? – как можно спокойнее спросил я.

– Ну, такие браслеты. Там есть голубые, а есть розовые. Были желтые. Желтые разобрали.

– А как они работают?

– Как? – раздраженно переспросила Алена. – Надеваешь браслет. Комары улетают.

– Подожди, – разозлился я наконец. – Но это что, как ошейники от блох для собак?

– Конечно! – обрадовалась Алена. – Наконец-то ты понял!

Идеология этого проекта меня вообще-то не устраивала.

– А кто-то уже проверял? Может, не действует? – спрашивал я.

– Да их же первый раз завезли в Москву вообще! Берут все. А нам может не хватить, если будешь и дальше так сидеть!

Мы поехали за браслетами. По дороге я, удивляясь сам себе, позвонил нашим друзьям, у которых есть мальчик Машиного возраста, и сказал его папе:

– Слушай, мы тут сдуру едем за браслетами от комаров. Я подумал, может, вам тоже нужны?

Мой товарищ начал задавать мне те же нелепые вопросы, которые я только что задавал Алене. Я с удивлением понял, что быть идиотом не так уж и плохо. Можно, к примеру, в два счета довести человека на том конце провода до суицидальной истерики. Объясняя, зачем сыну моего товарища нужен браслет от комаров (и упирая на то, что ехать за ним надо немедленно), я испытывал странное блаженство.

– Слушай, я ничего не могу понять, – сочувственно, как тяжелобольному, сказал он мне. – Давай я трубку жене дам. Она уже вырывает.

– Понимаешь, – начал я, когда она вырвала трубку, – такие браслеты от комаров...

– Скажи ей, что есть голубые и розовые, – прошептала Алена.

– Есть голубые и розовые, – покорно произнес я. – Одного браслета хватает на...

– А салатные есть? – перебила меня мама Дениса.

– Салатные есть? – переспросил я Алену. Алена горько покачала головой.

– Нет салатных, – вздохнула она. Она, конечно, ждала этого вопроса.

В общем, наших друзей мы тоже по дороге забрали с собой. Пока мы ехали, Маша рассуждала с Денисом о вреде комаров.

– Знаешь, – говорила она, – как я обычно узнаю комаров?

– Знаю, – отвечал он. – Они очень больно кусают.

– Кусают не только комары. Звери тоже кусают.

– Да! – внезапно поддержал разговор наш двухлетний Ваня. – Меня муха укусила!

Он показал куда. За ногу прямо схватила.

– Нет, вы не понимаете, – сказала Маша. – Если вы увидели, что прямо на вас летит очень маленькая черная гадость, значит, это комар!

– Я от него убегу! – крикнул Ваня.

– От него не убежишь, – рассудительно сказала Маша. – От комара нужен специальный браслет.

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросил Денис.

– Я мультик такой смотрела, – беспечно сказала Маша.

Денис и Ваня уважительно посмотрели на нее. Они этого мультика не видели.

– Вот за этим браслетом мы сейчас и едем. А потом поедem в Протвино и будем душить комаров.

– Ура! – захлопали в ладоши дети.

– А я в комара стрельну! – сказал Ваня. – У меня есть пистолет.

Дело на глазах принимало слишком драматичный оборот. Мы ему и в самом деле только что купили пистолет, стреляющий струей воды. В принципе им и в самом деле можно отбиваться от комаров. Я представил эту картину: Ваня с Машей и Денисом притаились за пригорком, потом с опаской выглядывают – и видят полчища марширующих на них прямо по воздуху комаров. Паника, и спасения, кажется, нет. Но тут Ваня достает свой пистолет и, насупившись, говорит: «Уходите, я прикрою!» – «А как же ты, Ваня?!» – кричит Маша. «А я остаюсь», – отвечает Ваня, отвернувшись, чтобы сестра не увидела мужских слез. – Передайте маме и папе, что я люблю их...» Маша и Денис, все в слезах, убегают. За пригорком вспыхивает смертельный бой – не ради славы.

Тем временем мы подъехали. Зашли в магазин. Мы все-таки опоздали. Браслеты закончились.

Смешно, но вся надежда теперь и правда только на Ванин пистолет.

«Загадка-то для детей!»

В самолете рейсом Москва – Римини Маша подвела ко мне незнакомую девочку лет семи. Девочка предложила отгадать загадку. На клочке бумаги она нарисовала треугольник, квадрат, домик, поставила между ними плюсы, после них знак =.

– Ну что здесь должно быть? – спросила она. – После знака.

В голосе ее была насмешка. По крайней мере, я уловил ее – всеми своими комплексами. Надо было догадаться. Во что бы то ни стало. Ну что такого там могло, в конце концов, быть, что бы я не смог отгадать? Загадка-то для детей.

Очевидно, в этом и состояла проблема.

– Мы теряем время, – неожиданно сказала девочка.

Я мог бы что-нибудь произнести. Это обязательно была бы глупость. Но в какой-то момент уже лучше было сказать глупость, чем промолчать.

– Папа, там, в конце, – цифра, – сказала Маша. Боже, она все понимала. Это было еще хуже. Правда, потом я подумал, что, если бы она понимала действительно все, она могла бы сразу назвать эту цифру.

И все-таки это было кое-что. Подошел мой товарищ, даровитый журналист, кинул взгляд на ребус, поинтересовался, есть ли подсказки, и, услышав про цифру, уверенно сказал:

– Три.

– Почему три? – удивился я.

– Как почему? Треугольник, квадрат и домик. Всего три! – засмеялся он.

Я совсем сник. Мне в голову не пришла даже эта мысль.

– Три? – спросил я эту девочку.

– Конечно, нет, – вздохнула она. Клиенты ей попались тяжелые.

Наверное, с тоски я сделал единственное, что можно было сделать с этими предметами. Я пересчитал углы во всех этих треугольниках и квадратах. Их оказалось 12. Я поставил цифру 12 и с надеждой посмотрел на девочку.

– Ну, правильно, – пожала она плечами.

Ну вот и все. Чистая победа за явным интеллектуальным превосходством. Торжество чистого разума. И никаких эмоций. Я даже не вскрикнул. Полное самообладание.

Потом я подумал, что это была все-таки какая-то сложная загадка. Даже странно было услышать ее от детей. Посчитать углы. Они, может, и не знали, что это такое. Что-то здесь было не так. Или дети специально придумывают для взрослых сложные загадки?

Я спросил девочку, знает ли она, что такое острый и прямой углы.

– Нет, – равнодушно ответила она. – Мне это не нужно.

– А почему тогда 12?

– А столько палочек, – вежливо улыбнулась она мне. – Вы угадали.

Она имела в виду, что я именно угадал.

Она отошла к своему креслу в другом салоне и вернулась через пять минут. В руках у нее снова был листочек. На нем были нарисованы те же треугольник, квадрат и домик, а между ними, через знаки плюс, стояли две семерки.

– Что тут должно стоять в конце? – спросила девочка. Я быстро пересчитал все палочки, прибавил к цифрам.

– Двадцать шесть, – сказал я. И снова – никакого ликования в голосе. Я бесстрастен. Все так просто: я – лучший.

– Нет, – ответила девочка. – Не угадал.

– А сколько же? – спросил я.

Это было так глупо. Я унижался перед ней.

– Попробуйте подумать, – предложила она.

Я думал всю дорогу. Я нашел себе хорошее занятие на весь полет. Я ведь так и подозревал с самого начала, что не может быть все так просто. Но как все должно быть?

Я догнал ее в зоне таможенного контроля.

– Ну, какая цифра? – можно сказать, тяжело дыша, спросил я.

– Потом, – отмахнулась она.

– Когда потом? – переспросила ее мама. – Мы больше не увидимся с дяденькой.

Девочка показала, чтобы я наклонился поближе к ее рту.

– Двадцать семь, – шепнула она.

– Почему? – оторопел я.

– Сколько палочек, такая и цифра.

– Да я же считал!

Она смотрела на меня с жалостью. Я пересчитал. Там, у нового домика, появилась еще одна палочка, обозначающая потолок первого этажа и пол чердака.

Появилась она, конечно, не случайно.

«Потому что башня – не из молока!»

Утром в итальянском городке Форте-дей-Марми пошел дождь, и выхода не осталось, пришлось ехать в Пизу, на осмотр башни. Вроде и недалеко, 30 километров, но если всю неделю до этого для тебя и триста метров до моря казались пыткой каленым железом (имеется в виду палящее солнце), то можно хотя бы попытаться понять чувства, с которыми я садился в машину.

Дети, впрочем, были, кажется, даже рады. Море с его огромными, переливающимися всеми цветами радуги (то есть самыми вредными) медузами как-то не манило их. К пляжу они тоже с какого-то момента стали относиться с сомнением. В прошлом году его купил один парень, защитник миланского «Интера» Дзанетти. И сразу же на пляже начала править его семейка, и прежде всего папаша Дзанетти, главным смыслом жизни которого стала жгучая (как у медуз) потребность всюду сопровождать моих детей по территории пляжа.

Они залезали в его пластиковый катамаран, вытасенный на песок, и Маша, гордая, восхищенная и немая, с развевающимися на ветру волосами стояла на капитанском мостике, Ваня рулил, а рядом стоял и переминался с ноги на ногу папаша Дзанетти. Может, он думал, что дети угонят его катамаран? Им ни слова он не говорил, а только смотрел на меня и многозначительно страдал. Но я ему тоже ни слова не говорил и тоже страдал. В конце концов он, кстати, добился своего, дети сами как-то сникли, что-то почувствовали и интуитивно переключились на возведение замков на песке, в которых папаша Дзанетти, как бы ни старался, уже не смог бы почувствовать себя хозяином.

Примерно то же самое происходило у нас и в бассейне («Надо мыть ноги перед тем, как прыгнуть в воду» – как будто кто-то не мыл), и в баре («Мороженого с Винни Пухом больше нет, ваши дети за неделю съели мой месячный запас!»).

Этот старик, по правде говоря, так относился ко всем клиентам на пляже его сына (люди вынуждены были с тоски начать ходить за закуской и выпивкой в бары соседних пляжей), но меня, разумеется, интересовала только история с моими детьми. Папаша Дзанетти здорово разозлил меня. И мне понравилось, что он хоть денек поживет без нас. Могу себе представить, как это понравилось ему.

В машине по дороге в Пизу я поставил один из двух дисков, которые захватил с собой, – «Слияние и поглощение» «Мумий Тролля». (Второй – музыка к кинофильму «17 мгновений весны».) Каждый вечер мы куда-нибудь да ездили, так что «Мумий Тролля», мне казалось, они должны были возненавидеть за отчетную неделю всей своей открытой детской душой («17 мгновений весны» мы сразу отложили до лучших времен – года). Но вместо этого они полюбили его. Они дурными голосами орали припев «Когда тебя вставляет – ты вставляешься!», только Ваня где-то уже на третий день, подумав здраво, немного переиначил его и пел «Когда тебя щекочут – ты вставляешься!». В общем, до Пизы мы доехали с музыкой.

Там начались неприятности. Первая неприятность подстерегала меня в виде компании из шести молодых японок, неистово фотографировавших башню. Когда, увидев Ваню и Машу, они начали так же неистово фотографировать их, я понял, что для этих людей нет вообще ничего святого. Разве можно было ставить на одну доску эту падающую развалину и детей моих? Я заслонила Машу и Ваню своей грудью. Что ж, мне не привыкать.

Меня японки фотографировать не стали. Одна подошла и протянула мне какой-то сувенир в хрустящей розовой обертке. Я понял, что она извиняется. Я кивнул. И зря – она тут же проворно подсела к моим детям, обняла их (они от неожиданности и от такой наглости оторопели и даже не сопротивлялись), а другая японка тут же начала их фотографировать. Потом они поменялись местами.

Я понял, что надо бы чуть-чуть подумать в этом месте. Я подумал, и получилось, что я только что на глазах у многочисленных зевак продал моих детей за какой-то сувенир. Интересно, кстати, за какой. Я развернул обертку. Под ней скрывалась пара шелковых японских платочков. Ну, это еще ничего.

Пока я всем этим занимался, с Машей и Ваней перефотографировались, кажется, все японки, которые в этот день приехали в Пизу. Очередь была теперь, наверное, за японцами. Я поспешил забрать своих детей подальше от этой правды жизни.

Потом я, конечно, спросил Машу (а не она меня), почему эта башня не падает.

– Потому что из кирпичей сделана, папа, – с сочувствием к моему идиотизму ответила девочка. – А не из молока.

Да, эта мысль как-то не приходила мне в голову.

«Это фашизм!»

В итальянском городе Форт-дей-Марми много ночных дискотек. Собственно, а что еще должно быть на модном итальянском курорте? Но если приезжаете на этот курорт без няньки (для двух ваших детей и дочери ваших друзей), то пользы от этих дискотек вообще никакой.

Но у вас же есть еще и друзья, которые живут по соседству. У них, правда, тоже есть дети, но это уже дети десяти лет. К тому же эти девочки, Варвары, которые, несмотря на молодость, уже готовятся стать матерями (то есть постоянно думают об этом). И они, можно сказать, сами предлагают:

– А вы оставьте Машу, Ваню и Алису с нами. С нами не соскучишься!

Да, мы знаем этих девочек. Когда они были такими же, как Ваня и Маша, то, приходя в ресторан с родителями, запирались в туалете, скручивали с рулонов всю имеющуюся туалетную бумагу, мочили ее под струей воды, а потом, вернувшись домой, комкали и морозили эти снаряды в холодильнике.

И тем не менее мы согласились с их предложением. У нас просто не было другого выхода. Более того, мы, конечно, сами подтолкнули их к этой идее.

Было ли мне страшно оставить двух своих маленьких детей на попечении двух маленьких девочек? Да, было. Но у Варвары был мобильный телефон. И у нас были мобильные телефоны. И моя Маша не такая уж маленькая. И Ваня сам об этом попросил (что не могло не настораживать, конечно). И у них было много дисков с мультиками.

В общем, мы рискнули. Но, короче говоря, мы не пожалели. Мы попали в бар с мирными подонками-наркоманами, которые приняли нас как родных. Подробности опускаем, четыре часа пролетели как один.

Потом раздался звонок. Мама одной Вари раскрыла трубку и долго молчала. Она слушала. На лице ее не дрогнул ни один мускул.

– Кажется, вам надо ехать за Ваней, Машей и Алисой, – сказала она наконец.

Мы бросились – кто к машине, кто к велосипеду. Уже хлопая дверцей, я спросил Барину маму, что там слышно: орет ли Ваня? Она скорбно кивнула.

– Давно?! – с ужасом переспросил я.

Она посмотрела на меня и ничего не сказала. В глазах ее был такой же ужас. Она переживала и за наших, и за своих детей. Она уже понимала, что произошло.

В доме было удивительно тихо. Ваня, сидя на кровати, смотрел на меня кроткими голубыми, а главное, совершенно сухими глазами. Увидев эти ангельские глаза, я испытал настоящее отчаяние. Я понял, что он старается сделать вид, будто ничего не произошло. То есть произошло что-то действительно ужасное.

– Папа! – удовлетворенно сказал Ваня и даже, кажется, подмигнул.

Из соседней комнаты вышли две Вари. Вот их глаза были полны слез.

– Зачем вы это сделали? – спросила нас одна Варя.

– За что? – промолчала другая.

Только тут я обратил внимание, что случилось с домом. Были перевернуты даже стулья. Все, что лежало на столах, теперь плавало в воде на полу. Маша и Алиса сидели на кровати в одной из детских комнат, поджав ноги.

– Что здесь было? – спросил я.

– Папа, – начала рассказывать Маша, – мы просто смотрели мультики. Потом Ваня стал звать маму, потом я взяла у девочек наклейки и наклеила в уши, потом пролилась вода, а потом мы просто стали играть.

Из комнаты, где снова закрылись Вари, раздались рыдания.

– Я их ненавижу! – кричала Варя. – Ненавижу! Это фашизм!

Я думал, она сейчас крикнет: «Что они сделали с моей жизнью!» Но она повторяла все тише и тише: «Мама, я их ненавижу!» Варя звонила маме.

«У нас ведь любовь»

Уже в самом конце отдыха в нашей курортной жизни произошло что-то очень странное. Ася, Машина подружка, вдруг обратила внимание на Ваню. Ваня младше ее на два года и интересен ей в принципе быть не может ни в каком смысле.

И вот я вижу, как Ася обнимает Ваню за плечи и, что-то нежно шепча ему на ухо, уводит его куда-то в кусты. Я со всех ног бегу смотреть, что же это они там делают, боясь опоздать. Писают, конечно. Вот Ася сидит за столом, ест персик, но надкусывает через раз – потому что еще и Ваню им кормит. Ваня, обалдевший от такого внимания, ест и ест этот чудовищных размеров персик.

В пиццерии Ася говорит Ване:

– Пойдем, Ваня, я тебя познакомлю с моим другом.

И она ведет его за соседний стол, там сидит какой-то итальянский парень лет 18, через минуту они мирно беседуют, через две парень хохочет, показывая на Ваню друзьям, через три Ваня орет и убегает, а Ася утешает его в туалете, глядя по голове, среди размотанных ими рулонов туалетной бумаги. С парнем этим сама Ася, конечно, никогда до этого знакома не была.

Сразу после завтрака Ася, зная Ванину слабость, уводит мальчика в машину – чтобы он просто посидел за рулем, и сидит с ним там сама.

И это все при внимательном рассмотрении не очень похоже на вспыхнувшую любовь. Ваня ходит за Асей, стараясь не отстать, потому что не помнит, чтобы им кто-нибудь из взрослых когда-нибудь столько бы занимался. Бедный мальчик только успевает послушно кивать в ответ на ее шепот. Сама Ася тоже не слишком, кажется, увлечена. Девочка словно выполняет общественное поручение. Но очень старается.

Наконец я понимаю, что где-то на обочине жизни, в конце концов, оказывается Маша. Я ее спрашиваю, почему она не с Ваней и Асей.

– Да у меня другие дела, папа, – пожимает она плечами и идет за стол есть моцареллу.

Ну, тут я понимаю, что дело-то плохо. Моцареллу она ненавидит «всею душою» (сама так говорит), и подойти к ней Машу могла заставить только очень большая нужда.

Тут уже мы замечаем, что Ася и Маша что-то не разговаривают друг с другом. У меня в голове вспыхивает догадка, но я еще не верю, что маленькие девочки в таком возрасте способны на такое коварство.

– Что, Маша, вы поссорились с Асей? – спрашиваю я. – Поссорились? Из-за чего?

– Ничего мы не поссорились. Мы просто не разговариваем, – отвечает Маша.

Они, значит, поссорились. И Ася решила, что Маша должна страдать. И выбрала без-ошибочно правильный путь. Она забрала у Маши брата. Брата, с которым Маша половину своей жизни делила все свои невзгоды. Человека, с которым Маша последние два года засыпала и просыпалась, можно сказать, на одних нарах (у них двухъярусная кровать).

– Папа, – пришла наконец ко мне моя дочь вечером, – они заперлись в комнате и не пускают меня к себе.

Она заплакала.

– А ты сама не ходи к ним, – посоветовал я. – Ты скажешь мне, что случилось?

– Нет, – всхлипнула она.

Сердце мое превратилось в вишневое желе.

– Смотри, что мы сейчас сделаем, – сказал я. – У нас ведь с тобой тоже любовь, да?

Девочка, вздохнув, согласилась.

И тогда я посадил ее в машину на водительское сиденье впереди себя, и мы поехали. Нет ничего в жизни такого, о чем еще так же страстно мечтает Ваня. Иногда его мечта исполняется. Это самые светлые мгновения в его жизни.

Мы поехали перед нашим домом, потом выехали на дорогу, доехали до набережной, вернулись... Задний ход... Ваня стоял на крыльце и смотрел на меня. О, что это был за взгляд! Я не хочу, чтобы он еще когда-нибудь так глядел на меня. Гадом-то я себя почувствовал. Главное, что я вдруг понял: что-то я сильно увлекся этой Асиной игрой, раз уж разменной монетой в ней тоже сделал Ваню.

Ася стояла в стороне и спокойно наблюдала за происходящим. Она, кажется, пыталась оценить степень опасности, исходящую от машины. Безусловно, движущаяся машина была для нее опасней, чем стоящая, потому что интересовала Ваню гораздо больше. Но как-то уж очень снисходительно, даже насмешливо смотрела на меня Ася.

И потом, уже ночью, когда девочки помирились так же внезапно, как и поссорились, я думал и о том, что ей, наверное, не могло не понравиться, что взрослый парень, друг ее отца, так легко оказался побочной жертвой задуманной ею интриги. И так обошелся с собственным сыном...

Уже в Москве мы снова спросили Машу, почему же все-таки они тогда не разговаривали с Асей. Она снова не сказала. Когда мы об этом же спросили Асю, она мгновенно ответила:

– А она же нам на качелях не дала покачаться!

А Маша, сразу все вспомнив, страстно объясняла, что Ваня до этого только что все утро качался. Правды, в общем, слава богу, не найти.

Мне все чаще кажется, что они слишком хороши для меня.

«Ну, че ты не звонишь-то?»

Дети снова находятся на отдыхе вдали от дома. Они не скучают по дому, нет. Я остался дома, по которому они не скучают. Ну так вот, они и по мне, я подозреваю, не очень скучают. Скучаю ли я сам, я говорить не буду, ибо все, что бы я ни сказал, будет не до конца правдиво.

Правда, Маша говорит вчера маме:

– Мама, позвони папе и скажи: «Ну, че ты не звонишь-то?» Он и позвонит.

– Зачем? – спрашивает ее мама. – Он утром сам позвонит.

– Много новостей накопилось. Надо рассказать, – озабоченно говорит Маша.

На самом деле я уже все знаю. У нас Ваня полюбил.

Он шел берегом моря, и волны плескались у его ног, а свежий ветер ласкал его лицо. И он увидел девушку лет пяти, загорающую то плесе возле тех же самых волн. Ваня подошел к ней и сел рядом. Так он сидел минут пять. Она не обращала на него никакого внимания. Он что-то сказал ей, но она не среагировала. Так часто бывает сначала при знакомстве на пляже. А потом все бывает по-другому. Или, скорее, по-разному.

Все, что Ваня сделал после этого, он сделал правильно. Он нашел свою старшую сестру и сказал, чтобы она познакомила его с этой девушкой. Ну а для чего еще, с другой стороны, нужна старшая сестра? Чтобы знакомить с подружками. (И он же знает, как быстро в этом возрасте у сестры появляются подружки. Вся жизнь сестры протекает у него на глазах.) Возможно, Ваня рановато начал использовать сестру по ее основному назначению. А может быть, и нет.

В действительности мальчик продумал эту ситуацию очень глубоко. Ведь из-за чего он на самом деле подошел к Маше? Он самокритично решил, что девушка могла не разобраться того, что он говорит. В конце концов, ему только два с небольшим года, и речь его пока что неидеальна. Взрослые не всегда понимают его. И он об этом знает. Так что, когда девушка промолчала в ответ на его какие-то почти наверняка остроумные замечания, он подумал, что она его просто не понимает. Он был прав, потому что девушка впоследствии оказалась немкой.

Маша выслушала Ваню и, вздохнув, подошла к девушке. Она показала на брата, и через мгновение девушка махнула Ване рукой! Как Маша сумела в такой кратчайший срок донести до девушки потаенные Ванины мысли? Никто же тогда из членов моей семьи, в том числе и Маша, не знал, что она немка. Но зато никто и не удивился, что эта девушка буквально на лету схватила все, что объясняла ей Маша. А потом, когда все удивились, было поздно. Ваня уже полюбил эту немку.

Но сначала Ваня подошел, сел рядом с девушкой и сказал, что вечером они идут на танцы. Девушка погладила его по голове. Ваня окаменел. Она еще раз погладила его, все еще с некоторой опаской, как щеночка. Ваня положил голову ей на плечо.

Поразительно, но вечером на детских танцах на одной из летних веранд отеля они и правда встретились.

Ваня, увидев девочку, сначала с горя убежал к морю и упал на сырой песок, обхватив голову руками, но потом нашел в себе силы вернуться и даже сам подошел к девушке. А она нашла в себе силы потанцевать с ним, взяв его за руку. У девушки, разумеется, равнодушной к пареньку, который вдвое моложе ее, оказалось развито чувство милосердия.

Вернувшись, уже за полночь, с танцев к себе в номер, Ваня сел за стол, взял ручку и бумагу и что-то написал.

– Что это, Ваня, ты написал? – спросила Алена, увидев его шальные каракули.

– Я написал: «Девочка, я тебя люблю», – ответил мальчик.

Мама промолчала. А что тут, кажется, скажешь? Но вопросы были, как выяснилось, у Маши.

– Ваня, – спросила она, – а ты почему не написал, что ты меня любишь?

– Не знаю, – сказал Ваня. – Отстань.

– Ваня, почему ты не написал, что любишь меня? – повторила Маша, и в голосе ее появился, так сказать, металл. – Ведь это я тебя с ней познакомила.

– Люблю, люблю, – буркнул мальчик.

И вот это все Маша вперемешку с Аленой торопливо рассказала мне по телефону. Эта история произвела на меня сильное впечатление – как на отца и на мужчину, активно сочувствующего нашему брату в такого рода рассказах.

– Ваня, – осторожно спросил его я, позвонив утром, – скажи, пожалуйста, почему тебе понравилась эта девочка?

– Потому, – быстро ответил мальчик, и я понял, что дело серьезно, ибо он до сих пор никогда еще мне так исчерпывающе не отвечал ни на один вопрос.

У этой истории было продолжение.

После ночных танцев на берегу моря, после писем с жаркими признаниями в любви Ваня перешел к более эффективным методикам. Он решил покормить бедную пятилетнюю девушку, которая уже не знала, куда деваться от все более настойчивого внимания этого русского. Ваня подошел к маме и попросил купить ему пакетик попкорна. Алена удивилась, потому что Ваня не то чтобы совсем не ел попкорн, но если уж и делал это, то по большой нужде и уж точно никогда сам не просил покупать его. Когда Алена купила пакетик, он спросил ее, как надо угощать попкорном девочку.

– Как хочешь, – сказала Алена. – Ей, наверное, в любом случае понравится.

Мальчик показал, как он достанет из пакетика одну кукурузную палочку и предложит немке.

– Нет, наверное, не так, – сказала Алена. – Надо открыть пакетик и предложить ей самой выбрать.

Ваня с восторгом кивнул. Надо ли говорить о том, что когда он подошел к девушке, то сразу достал из пакетика одну палочку, а сам пакетик спрятал за спиной? Но и все равно его поведение произвело на девушку очень благоприятное впечатление. Именно с этого момента она стала замечать его.

И именно с этого момента он к ней охладел.

Дело в том, что всем его вниманием к этому времени полностью завладел котенок. Котенок появился под дверью гостиничного номера и никуда не ушел. Ваня хотел потрогать его, но Алена не дала. Зря, ах как зря она не позволила ему этого сделать! Если бы Ваня погладил его, все, возможно, и обошлось бы. А так он по-настоящему заинтересовался котенком. А котенок – им. Они приглядывались друг к другу, пока вечером котенок, уловив момент, когда приоткрылась дверь, не зашел в номер.

И все. Котенок решил остаться. Ваня сказал маме, что полюбил котенка. Этого признания следовало ожидать. Дело в том, что к этому времени он уже полдня игнорировал немку. Она уже сама искала Ваню и подходила к нему, чтобы улыбнуться, – как-то, говорят, уже даже заискивающе, – но ему было не до нее. Алена, смущенная, рассказывала, что он ее, кажется, даже не узнает. Я был уверен, что Ваня только делает вид.

Маша холодно следила за тем, что происходит с Ваней. Его сердечные дела, разумеется, не оставляли ее равнодушной. Иначе она, которая обожает кошек, не попросила бы маму выгнать котенка из номера.

– Он же, наверное, плешивый, – сказала Маша.

Алена мгновенно приняла решение выставить котенка на улицу. Но котенок уже был под кроватью. Это была широкая кровать. Достаточно широкая, чтобы не достать котенка

рукой, и достаточно низкая, чтобы под нее невозможно было забраться. Алена звала его – он был не дурак. Она пыталась дотянуться до него полотенцем. Она нашла на улице какой-то прутик – но прутиком всерьез заинтересовался только неугомонный Ваня.

Наконец она решила, что утро вечера мудренее, – и попробовала заснуть. Только она начинала засыпать, как котенок начинал урчать и мурлыкать. Может, на него нахлынули какие-нибудь воспоминания. Может, он думал о том, что наконец-то обрел покой, дом и маму.

Но мама так не думала. В отчаянии она позвонила мне в Москву. Я сразу посоветовал ей вызвать какого-нибудь служащего отеля, чтобы он избавил ее от котенка, раз уж она не может с ним ужиться хотя бы до утра.

– Ни в коем случае, – сказала Алена и категорически отказалась пояснить почему. Дальнейшие расспросы привели к тому, что ей, оказывается, было стыдно.

– Я что, – спросила она, – даже такой пустяк не могу сама сделать?

Я хотел ответить ей правдиво, но потом подумал, что это не соответствует моим стратегическим интересам.

– Папа, – вырвала у Алены трубку Маша, – приезжай скорее!

– Что за спешка, Маша? – спросил я.

– Надо достать котенка, – объяснила она.

В общем, котенок, разумеется, переночевал у них в номере. Ваня все эти события проспал, и слава богу, а то в эту ночь никто не заснул бы во всем отеле. Проснувшись, Ваня обнаружил под кроватью мурлыкающего котенка, который всю ночь, в отличие от Вани, так и не сомкнул глаз. Они пошли завтракать.

И вот этот роман продолжался до самого Ваниного отъезда. Но провожать Ваню в Москву пришел не котенок, а, к общему шоку, пятилетняя немка.

«Скажи, что ты третьего родишь!»

Ваня долго гонялся за Машей с пистолетом в руке и, целясь, угрожал лишить ее жизни.

– Я убью тебя, сестра! – кричал он.

– Ваня, – вяло сказала Алена, – не надо целиться в человека.

– Это не человек, – возразил Ваня. – Это Маша.

– Тем более, в Машу не надо, – ответила Алена.

– А в кого надо? – уточнил Ваня.

– Да ни в кого! Ну, в птиц, – на ходу решала участь целых видов и подвидов Алена, – в животных.

– Я убью тебя, животное! – вскричал Ваня и бросился на Машу.

И так все время. Они умнее, и с этим просто следует смириться.

Их опять нет в Москве. Они, кажется, только что триумфально вернулись из очередного отпуска и, бегло осмотрев наш город на следующий день, признали его годным к жизни. Сию секунду они были рядом со мной, в одном городе, в одной квартире, и Ваня гонялся по квартире за Машей с пистолетом в руке, а Маша орала, повиснув на мне, что они больше от меня никуда не уедут, потому что до смерти боялась Вани. И они, конечно, сразу уехали от меня – как только узнали, что у меня длинная двухнедельная командировка. Они уехали опять отдыхать, и этому было логичное объяснение: они же вернулись только для того, чтобы нам побыть вместе. А раз вместе не получается – до свидания. Они уехали на день раньше, чем уехал я, – конечно, специально. Специально, а как же еще. Специально, черт возьми.

Я опять слышу торопливый Машин голос по телефону:

– Папа, тут у нас все есть. Рыбы есть, песок есть.

– Машины есть, – слышу я Ванин голос.

– Маша, – говорю я. – Кое-чего нет.

– А, знаю чего, – морщится Маша, я это чувствую даже по телефону.

– Чего?

– Тебя нет.

– Ну и как там?

– Папа, причал есть. Много лодок. И яхты.

Она отвыкла от меня, что ли? Она точно отвыкла.

– Папа, что ты молчишь? Ты что, плачешь? – спрашивает Маша.

Мне сразу становится смешно. До этого, слава богу, еще не дошло.

– Это ты, Маша, по всяким пустякам плачешь.

– Я, папа, по всяким пустякам не плачу. Я плачу, когда люди заставляют меня страдать.

– Ну и кто тебя заставляет страдать, Маша?!

Я где-то даже надеюсь услышать, что мама. У нас тогда с Аленой появится хороший повод для разговора по душам.

– Ваня! – с недоумением говорит Маша. – Ваня заставляет.

– Что, он бьет тебя, а ты не отвечаешь и поэтому страдаешь, да?

Я сам много времени потратил на то, чтобы убедить ее в том, что так и должно быть, что именно вот так и устроена жизнь, что старшие в ней должны быть великодушны к младшим... В общем, я стараюсь втолковать ей то, в чем и сам не очень уверен, и иногда у меня, кажется, получается. И вроде получилось и на этот раз.

– Да нет, пап, – вздыхает она. – Это я его бью, а потом страдаю. Папа, я тебе же историю должна рассказать! Только ты маме не говори, ладно? А то она просила не говорить тебе.

– А где мама, Маша?

– Да вот она сидит, слушает.

- Ну, рассказывай.
- Мы с мамой сидели в холле нашего отеля. Тут к нам подходит дяденька...
- Так, стоп. Подробнее. Сколько вас было?
- Все мы были, папа. Я, Ваня и мама. Так, уже легче.
- Дальше.
- Только ты меня, папа, не перебивай, ладно? А то я забуду.
- Все, я молчу.
- И он говорит на английском языке...
- На английском? – перебиваю я.
- Да, папа. На таком, какой мы учим в «Тимее». И я ничего не понимаю!
- А мама?
- И мама. Он очень много говорит, потом он меня по голове гладит, потом маму за руку берет.
- Тебе не показалось, девочка?
- Папа, ты что? – обижается Маша. – Не веришь – Ваню спроси.
- Дальше!
- А дальше я маме говорю: «Мама, скажи ему, что ты третьего скоро родишь».
- Зачем ты это сказала?
- Мне стало страшно, папа!
- И что было дальше?
- Мама так долго смеялась, что он ушел.

«Они заснут, и я скажу: «Руки вверх!»

Ваня пошел в детский сад. Маша пол-лета рассказывала ему, что в целом это не так уж и плохо. В пример Маша приводила Сашу, который тоже пошел в детский сад и не умер, а просто в какой-то момент уехал с родителями жить за границу. Кажется, она имела в виду, что если Ваня пойдет в детский сад, то у него тоже есть шанс уехать жить за границу.

На самом деле она выполняла мою просьбу. Это я попросил девочку рассказать своему брату о прелестях детского сада.

– А пистолет у Саши был? – задумчиво спрашивал Ваня.

– Был! – говорила Маша, вытаращив глаза.

Глаза выдавали ее с головой. Она так старательно это говорила и так испуганно таращила глаза, делая вид, что Сашу с его пистолетом в детском саду все откровенно побаивались, что было понятно: достаточно взять в детский сад пистолет, и лучше всего не игрушечный муляж, а настоящий пистолет, стреляющий водой, и ты будешь там, в детском саду, в окружении вероятного противника, в полном порядке.

У Машиной старательности была еще одна, по-моему, причина: я понимал, что никакого пистолета у Саши в действительности не было.

Утром Ваня долго не хотел просыпаться. Я видел, что он уже четверть часа не спит, а только закрывает глаза. Только я принимался его поднимать, как он – словно сквозь сон – начинал бормотать:

– Я спать хочу! Я никуда не пойду... Я спать хочу. Таким образом, он не то чтобы отказывался идти в детский сад. Он просто хотел спать. Но я все-таки, конечно, поднял его. Тогда он сказал, что не пойдет в детский сад, потому что его не пускает мама. Для этого случая у меня была его мама. Она подошла и отпустила его – не сказать чтобы с радостью.

Я подумал, что у него больше нет, кажется, аргументов, чтобы не идти в детский сад. Он, наверное, тоже так подумал, потому что безо всяких аргументов сказал, что остается дома.

– Да, – сказал я, – но ты остаешься один, потому что мы все уходим в детский сад.

Мне было жалко мальчика. Я же с самого начала понимал, что переспорю его.

– Ну ладно, – подумав, сказал он. – Я пойду с вами и провожу Машу в детский сад.

Эта позиция меня устраивала. Нам было по пути.

Ваня еще несколько раз предупредил меня, что он идет провожать Машу. При этом он хорошо подготовился. Он взял с собой сразу два пистолета и еще один попытался вручить мне. Я отказывался, но потом подумал, что, может, и правда пригодится зачем-нибудь.

Так, до зубов вооруженные, мы вышли из дома и пошли в детский сад. От дома до него метров двести. Пока мы шли, прохожие оглядывались на нас. Дети провели на море два из трех летних месяцев, и, по-моему, в самом деле было на что посмотреть. Но Ване это не нравилось. Он, увидев, что на него глазают, доставал из большого кармана пистолет и, направив дуло в воздух, кричал:

– Руки вверх!

Одна добрая девушка даже остановилась и подняла руки.

В детский сад Ваня входил... Не знаю, с чем это сравнить. Так американский морской пехотинец входил бы на базу «Аль-Каеды», если бы когда-нибудь обнаружил ее. Он не шел, а крался, озираясь по сторонам. Поступь его сделалась неслышна. В каждой руке у него было по пистолету. Я прикрывал его сзади.

Враг, впрочем, не торопился обнаруживать себя. Он кормил других детей кашей.

– Ваня, давай переоденемся, – шепнул я. – Тогда все подумают, что ты один из них.

Эта мысль произвела на него сильное впечатление. Он мгновенно переоделся.

– Пистолеты, – шепнул я.

– Что? – не понял он.

– Пистолеты придется оставить. А то они поймут, кто ты на самом деле.

Он долго прятал пистолеты в одежду. Потом он помахал мне рукой на прощанье и просто вошел в столовую. Один я понимал, чего ему это стоило.

Вечером я спросил у него, догадались ли они там, в детском саду, сколько у него оружия. Он с гордостью сказал, что нет.

– Они заснут, – поделился он со мной своим смелым планом, – и я скажу: «Руки вверх!»

И вот он в тылу врага уже неделю. Его легенда: он мальчик, который пришел в детский сад, чтобы вырасти. Враг пока не дремлет.

«Номер сотый заснул!»

Год тому назад Маша выступила на подиуме. Люди, которые относятся к ней, безусловно, с огромной симпатией, пригласили ее на показ модной детской одежды. В качестве модели, конечно. К нам, родителям, эти люди относятся, наверное, не так хорошо. Они ведь наверняка знали, чем это закончится. Я не буду говорить, что с тех пор смысл жизни этой девочки заключен в шкафчике для одежды (довольно, правда, просторном). Хотя это так и есть. Но я не буду говорить об этом – чтобы не было повода упрекнуть меня в том, что мне жалко новых нарядов для моей девочки. Есть люди, которые и так меня в этом постоянно упрекают (это не Маша).

Я буду говорить, что год назад девочке была нанесена психотравма – не худшая, впрочем, из всех психотравм на свете. Целый год после этого случая Маша вспоминала о том, как она «показывала моду». День этот хранится в ее памяти во всех мелочах и останется, видимо, на всю жизнь. Поразительно не то, что она за один день научилась ходить по подиуму как профессиональная модель, а то, что она так и не разучилась.

И вот ее снова пригласили на показ. Когда мне позвонили и рассказали об этом приглашении, я сначала согласился. Я подумал, что клин клином вышибают. Что если для Маши хождение по подиуму превратится в рутинное занятие, то в один прекрасный момент оно ей просто надоест. В конце концов, детям все довольно быстро надоест. Более того, я сгоряча сказал, что, наверное, и Ваня тоже должен поучаствовать в показе, а то он обидится на сестру, они же все делят пополам, и даже в детском саду, несмотря на разницу в возрасте, ходят в одну группу (про эту страшную историю – в следующий раз).

Когда происходил этот разговор, я сидел в самолете. Пока я летел, я искренне пожалел, что сказал об этом.

Я подумал, что Ваню ни в коем случае нельзя выпускать на подиум. Риск того, что мальчик после этого шоу превратится в девочку, был огромным.

Но я прилетел в Америку, когда в Москве уже была глубокая ночь, потом было много суеты, я забыл расставить эти жизненно важные акценты, и, когда я все-таки вспомнил и позвонил, чтобы наказать Алене ни в коем случае не делать этого с Ваней, состоялась уже вторая примерка, и Ваня уже устроил истерику, отказавшись снимать красный бархатный пиджачок, а ему объяснили, что если он возьмет его сейчас с собой, то на следующий день пройтись по подиуму ему будет не в чем, но зато сразу после показа папа ему обязательно этот пиджачок купит, и вместе с брючками, конечно, а то и с сапожками, – и он успокоился.

Показ тоже состоялся без меня. И слава богу. Я не должен был этого видеть. Но я, конечно, в итоге пожалел, что не видел этого. Последняя примерка состоялась в день показа. Потом была репетиция. Детей было много. Всех их для ясности пронумеровали. У Вани был номер 100, у Маши 101. Маша немного волновалась. Она понимала, что пройти по подиуму – это непросто. Но это было вполне рабочее волнение. А Ваня не волновался нисколько. Он просто немного устал и после обеда, за полчаса до начала показа, подсел к маме, положил голову ей на колени и крепко заснул.

– Модель заснула! – в панике перешептывались девушки-организаторы. – Что делать? Надо сказать маме, чтобы она его разбудила!

Они осторожно сказали Алене, что мальчика надо будить.

– Да он же только что заснул! – резонно ответила она. Они больше не решились ее беспокоить, но испугались еще больше и с испугу дозвонились до своего главного начальника. Он, по счастью, является человеком чувствительным.

– У нас проблема! – сказала девушка-организатор.

– Что случилось? – с тревогой спросил он.

Он, наверное, сразу, решил, что на таможне опять проблемы с фурой с одеждой из Италии.

– Номер сотый заснул!

– Что?!

– У нас модель заснула! Что нам делать? Когда он понял, то встревожился еще больше.

– Пусть пока спит, – решил он, – а если до прохода номера 95 не проснется – будите!

Ваня проснулся. Он и Маша прошли по подиуму, держась за руки. Я смотрел это видео. Я не знаю, у кого Ваня научился посылать воздушные поцелуи, и с беспокойством думаю, что у Алены. Он при этом внимательно глядел по сторонам. Происходящее ему нравилось. Маша нервничала. Ей это шло.

Вернувшись из командировки, я подарил Ване пистолет – с намеком на то, что он должен в любых обстоятельствах оставаться мужчиной. Впрочем, нельзя ведь было исключить, что этот пистолет теперь будет нужен ему только для того, чтобы надежно охранять шкафчик с одеждой. Я очень боялся этого.

Но я ошибся. Пистолет ему был нужен не для этого. Ваня наставил пистолет на меня и сказал:

– Папа, в следующий раз пойдешь показывать моду вместе с нами.

«Папа, мы так целовались...»

Ваня и Маша в детском саду ходят в одну группу, несмотря на то что мальчик младше девочки на 1,8 года. Но они так решили, и глупо было бы с ними спорить.

Нам показалось, что в этом вообще-то ведь довольно много плюсов. Брат и сестра будут целый день беречь друг друга в этом бушующем мире. Если бы мы знали... Если бы мы только знали.

Они перестали замечать друг друга на второй же день. Ване стало не до Маши, потому что он приходил в группу отчего-то очень голодный и стремился как можно скорее съесть кашу. Стремление, безусловно, похвальное, родительское сердце могло только мечтать о таком повороте событий, но мне стало видеться в этом что-то маниакальное. У него были такие глаза... Даже я, глядя на него, понимал, что промедление смерти подобно.

Я быстро понял, в чем дело. Он знал ведь, что, как и дома, в детском саду его кашу может съесть Маша. И даже обязательно попытается съесть. Если бы Маши не было, он бы ни о чем не беспокоился. Он бы понимал, что у него есть его тарелка и ее никто не отнимет. Но, зная, что вместе с ним в комнату входит Маша, он отдает себе отчет в том, что ее не заинтересует ничья тарелка, кроме его.

На Машу его поспешность тоже произвела странное впечатление. Вместо того чтобы под благовидным предлогом выманить брата из-за стола (например, заставить, как и дома, сначала вымыть руки), она начала демонстративно встречаться глазами с другими мальчиками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.